

ЗАПИСКИ

ДЛЯ

ЧТЕНІЯ.

ДЕКАБРЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Товарищества «Общественная Польза», по Мойкѣ, № 5.

1867.

РУССКІЙ САМОУЧКА.

Часть вторая.

Спустя нѣсколько времени послѣ сдѣланнаго Боброву испытанія, явился къ нему въ квартиру Ризинъ съ просьбою, что бы тотъ, вопервыхъ, поучилъ его немножко ариѳметикѣ, а во вторыхъ начертилъ бы для образца хорошенькій планчикъ, и предложилъ ему за это приличное вознагражденіе.

Бобровъ радъ былъ хотя какойнибудь частной работѣ, и потому съ удовольствіемъ согласился на предложеніе Ризина.

Планчикъ нарисовалъ онъ дня въ три, и, что бы похвастать предъ Ризиннымъ своимъ искусствомъ, отдѣлалъ его чрезвычайно изящно, такъ что удостоился за это особенной похвалы отъ самого Мардохея Петровича, которому Ризинъ вмѣстѣ съ Бобровымъ представилъ этотъ планъ на ревизію.

— Поистинѣ заслуживаетъ похвалы, выразилъ Мардохей Петровичъ, рассматривая планъ, — хорошее событіе, нечего сказать, прибавилъ онъ, называя почему то работу Боброва событіемъ. За эту вещь уже не грѣхъ заплатить пять цѣлковинныхъ.

— Кажется дорого, произнесъ тихо Ризинъ.

— Не дорого, повторилъ Рогулькинъ, вы меньше съ него и не берите, прибавилъ онъ шуточно, обращаясь къ Боброву.

Рогулькинъ держалъ всегда сторону Боброва, и видимо ему протезировалъ.

Такимъ образомъ у Боброва планъ сошелъ съ рукъ хорошо; что же касается до преподаванія имъ Ризину уроковъ изъ ариѳметики, то дѣло это отбилось у него совершенно. Бобровъ

прошелъ съ нимъ въ полторы недѣли до дѣленія простымъ чиселъ величательно, и бросилъ—отказался.

— Больше не могу, какъ вамъ угодно, сказалъ онъ Ризину наотрѣзъ; — да, откровенно вамъ сказать, и вы какъ то плохо это понимаете.

— Да, я думаю, болыне то* и не требуется, проговорилъ Ризинъ съ какою то смиренною улыбкою.

— Да вѣдь вы хотѣли было прежде въ землемѣры поступать? такъ какъ же землемѣру то не требуется? По моему мнѣнію, землемѣру безъ геометріи, тригонометріи и алгебры ступить нельзя. Я удивляюсь, какъ вы рѣшились проситься то на эту должность, нисколько еъ ней не приготовившись.

— Теперь вотъ уже я поприготовился, теперь я думаю можно.

— Какое же приготовились? вѣдь вы только знаете коекакъ одно умноженіе.

— Больше то, кажется, и не требуется, твердилъ свое Ризинъ.

— Какъ это можно? помилуйте! произнесъ Николай Ивановичъ, какъ будто съ досадою.

— Да вѣдь вотъ Мусолинъ (рѣчь идетъ о землемѣрѣ въ дубленомъ полушубкѣ) и умноженія то не знаетъ, возразилъ Ризинъ, да поступилъ же.

— Это уже чортъ знаетъ что такое! произнесъ Бобровъ съ удивленіемъ. Я вотъ знаю хотя немножко всѣ математическія науки, отчасти знаю и другія науки, да и то страшнымъ образомъ боюсь, а вы, господа, какъ то смѣлы.

— Чего тутъ бояться то, только опредѣлили бы.

Николай Ивановичъ пожалъ плечами.

— Такъ вы все еще думаете поступить?

— Какъ же не думать то, вѣдь тутъ же жалованье хорошее, а доходы то знаешь какіе? прибавилъ Ризинъ съ какою то сладкою улыбкою.

— Да какіе же тутъ доходы то? откуда они пойдутъ? полюбопытствовалъ Бобровъ.

— Какъ «какіе доходы»? произнесъ Ризинъ, смотря съ недо- вѣріемъ на Боброва,—да тутъ всѣ даютъ.

— Да кто же дастъ, помилуйте.

— Мужики даютъ, отвѣтилъ положительно Ризинъ.

— За что же мужики то будутъ давать? вѣдь землемѣръ то, я думаю, не съ образомъ ѣздить, прибавилъ Бобровъ съ насмѣшкою.

— Такъ то знаю что не дадутъ, а какъ поприжмешь, такъ и дадутъ, пояснилъ Ризинъ съ улыбкою.

— Да какъ же вы ихъ прижимать то станете? полюбопытствовалъ Бобровъ.

— Какъ не прижать! произнесъ Ризинъ съ полною увѣрен- ностію и съ видимымъ знаніемъ дѣла. Поговорите вонъ съ

Мусолины мѣ: «въ худой, говорить, годъ тысячу рублей добу».

— Неужели же и его командируютъ? спросилъ съ изумленіемъ Бобровъ.

— Какъ же, три года уже ѣздятъ, прошлый годъ благодарность еще получили.

— Да вѣдь, вы говорите, онъ ничего не знаетъ, такъ какъ же онъ дѣла то исполняетъ?

— Да онъ, говорить, что не нужно ничего и знать то; все, говорить, пустяки... А доходы, говорить, славные, присовокупилъ Ризинъ съ самою умиленною улыбкою; прежде, говорить, я не зналъ еще какъ дѣла то обдѣлывать, а прошлый, говорить, годъ тысячу двѣ хватилъ. Вы познакомьтесь съ нимъ, по-совѣтовалъ Ризинъ, съ видимымъ доброжелательствомъ.

— Да какъ же онъ межеваніе то производить? добавилъ Бобровъ.

— Онъ вѣдь ничего не межуетъ, а только ѣздитъ для возобновленія просьбъ около казенныхъ дачъ.

— Ну, а кто же специальное то межеваніе производить?

— Это другіе дѣлаютъ: Петровъ вотъ, да Философовъ, да еще коекто. Тѣмъ, говорятъ, еще доходнѣе, кто знаетъ, пояснилъ Ризинъ.

— Положимъ такъ, да вѣдь просьбу то надо отыскать, тоже зная? возразилъ Бобровъ въ недоумѣніи.

— Мужики, говорить, отыскиваютъ сами, а я, говорить, и на просьби то не хожу.

— Такъ за что же ему даютъ деньги то?

— Какъ за что? Онъ, вонъ, вытребуетъ на межу человѣкъ сорокъ рабочихъ, да двѣнадцать человѣкъ понятыхъ, и держать ихъ. — «По рублю серебромъ, говорить, давайте, такъ отпущу; а не то, говорить, продержу недѣли двѣ»... Ну, и дають, вѣдь въ рабочую то пору для мужика то и день дорогъ... «Одну, говорятъ, партію отпущу, да другую вытребую, а понятыхъ то, говорить, то и дѣло мѣняю—все уже, говорить, по полтинничку дадутъ»... Славно! заключилъ Ризинъ съ какою то сладкою сощуренною улыбкою.

— Да какъ же мужики то не жалуется? спросилъ съ изумленіемъ Бобровъ, сильно озадаченный такимъ извѣстіемъ.

— А кому они станутъ жаловаться то? возразилъ съ усмѣшкою Ризинъ, — вѣдь мужики то все казенные, а окружный то начальникъ, извѣстное дѣло, вмѣстѣ съ землемѣромъ дѣйствуютъ, доходы то дѣлать пополамъ, безъ этого ужъ никакъ нельзя. А тамъ славный окружный начальникъ! я его знаю, присовокупилъ Ризинъ. Самъ Мусолину сказать: «ты, говорить, требуй отъ насъ народу какъ можно больше, уже мы, говорить, вышлемъ, а меньше, говорить, рубля съ нихъ, мошенниковъ, не бери».. А мужики пикнуть у него не смѣютъ — запо-

реть... Отличный человекъ! заключилъ Ризинъ съ чувствомъ; всѣ его хвалять.

«Вотъ еще какъ человѣческія то достоинства оцѣниваются», подумалъ съ грустію Николай Ивановичъ. А мы привыкли считать хорошимъ человѣкомъ того, кого больше хвалятъ; оказывается, что надобно прежде строго разобрать того, кто хвалитъ, тогда уже и можно судить о томъ, кого хвалять.

— За что же онъ прошлый годъ благодарность то получилъ? полюбопытствовалъ Бобровъ.

— За успѣхъ, пояснилъ Ризинъ, успѣхнувшись. Много уже больно работы то показали: версть, кажется, пятьсотъ по вѣдомостямъ то у него показано.

— А въ самомъ то дѣлѣ сколько же прошелъ?

— Не знаю, говорить, мужики то сами, говорить, гдѣ то немножко порубили, а я, говорить, и на просьбѣ то не былъ.

Николай Ивановичъ только пожалъ плечами.

Ризинъ опаздалъ чрезвычайно практиченъ въ межевомъ дѣлѣ, такъ что Николай Ивановичъ, судя по мозглявости его физиономіи, не могъ этому и надивиться. Мусолинъ былъ его прежнимъ пріятелемъ съ дѣтства. Въстѣ съ нимъ учились въ риторикѣ. Отъ него то онъ и набрался той практичности, которую со всею откровенностію передалъ Николаю Ивановичу, въ видахъ будущей съ нимъ дружбы.

— Ну, а какъ командируютъ Мусолина то по специальному межеванію? началъ опять Бобровъ, котораго чрезвычайно интересовалъ взглядъ подобныхъ людей на межевое, и вообще на служебное дѣло:—такъ тутъ что онъ станеть дѣлать то?

— А что же?—ничего, отвѣтилъ Ризинъ, не думавши и съ самою тупою улыбкою: вѣдь тамъ, говорятъ, еще доходовъ то больше. Богатые то помѣщики даютъ помногу, только по ихнему дѣлаи. Какъ бы меня опредѣлили, такъ я сталъ бы проситься по специальному межеванію: тамъ лучше, присовокупилъ Ризинъ спокойнѣйшимъ образомъ.

Николай Ивановичъ посмотрѣлъ на него съ изумленіемъ.

— Какъ же вы межевать то стали бы? спросилъ онъ его съ улыбкою.

— Какъ нибудь сталъ бы, отвѣтилъ Ризинъ спокойно. Вѣдь здѣсь на половину землемѣровъ то не умѣютъ межевать, да межаютъ, пояснилъ онъ въ свое оправданіе:—вы думаете всѣ знаютъ межевую часть?—какъ же!

— Я не понимаю васъ, господа, право не понимаю, произнесъ Николай Ивановичъ, пожимая съ удивленіемъ плечами. Какъ станешь дѣлать то, о чемъ не имѣешь никакого понятія? тутъ чортъ знаетъ какую чепуху надѣлаешь!

— Только опредѣлили бы, твердилъ свое Ризинъ съ самымъ беззаботнымъ спокойствіемъ.

— Ну, а если бы опредѣлили васъ докторомъ? возразилъ

какъ бы съ досадою Николай Ивановичъ, — вы тоже не отказались бы?

— Опредѣлять, такъ что отказываться то? отвѣтилъ съ тупою улыбкою Ризинъ, совершенно уже противъ всякаго ожиданія.

— Это уже чортъ знаетъ что! пробормоталъ просебя Николай Ивановичъ, котораго чрезвычайно изумляла такая тупоумная и съ тѣмъ вмѣстѣ чистосердечная готовность занять какую угодно должность, принять какія угодно обязанности. Напротивъ того, Ризинъ видимо не понималъ хорошенько Боброва: чему тотъ удивляется? что находить тутъ страннымъ? «Если должность доходна и есть возможность поступить на нее, такъ почему же не поступить? что тутъ удивительнаго?» разсуждалъ Ризинъ. Да такъ, конечно, разсудилъ бы и не одинъ Ризинъ. Это показалось страннымъ только на неопытный взглядъ Боброва, между тѣмъ какъ всѣ порядочные люди о томъ только и хлопочуть, что бы занять выгодную и видную должность, а о томъ, въ чемъ заключается самая должность, какихъ требуетъ знаній? порядочные люди и не думаютъ, да странно было бы объ этомъ и думать. Съ такимъ разборчивымъ взглядомъ насидѣлся бы безъ куска хлѣба.

Какъ бы то ни было, но Николай Ивановичъ крѣпко сомнѣвался, что бы, при настоящихъ строгостяхъ, Ризинъ могъ поступить въ землемѣры, тѣмъ болѣе, что онъ не выдержалъ никакаго экзамена, и что Петровъ формально уже донесъ о его неспособностяхъ. Самонадѣяность Ризина и возможность поступить ему въ землемѣры, Бобровъ приписывалъ его неразсудительности и тупоумію; поэтому онъ и не во всемъ довѣрялъ ему насчетъ Мусолина, и тѣхъ порядковъ, какіе онъ описалъ. «Вретъ», думалъ себѣ Николай Ивановичъ, послѣ нѣкотораго размысленія.

— Это онъ придумалъ только для своего утѣшенія и оправданія, потому что дуракъ.

— Вѣдь уже вамъ въ землемѣры то теперь поступить нельзя, заговорилъ онъ снова, любопытствуя узнать дальнѣйшія предположенія Ризина насчетъ своихъ обстоятельствъ.

— А почему же нельзя? спросилъ Ризинъ ухмыляясь.

— Да вѣдь вотъ вы не выдержали экзамена. Видѣли, чай, донесеніе Петрова о нашемъ то испытаніи?

— Какъ не видѣть, видѣлъ. Не могъ пьяницу уговорить, выразился Ризинъ насчетъ Петрова; — сколько разъ угощалъ пьяницу этакого, да пятьдесятъ рублей вѣдь взялъ съ меня, мошенникъ, и то ничего не сдѣлалъ, мало видно что ли показалося. Золъ за что то на меня, ничего не говоритъ, только ко всему придираетсяя.

— Правду ли вы говорите? замѣтилъ безъ церемоніи Николай Ивановичъ. Петровъ, кажется, не такой человекъ, какъ вы

объ немъ относитесь. Вѣдь вотъ онъ экзаменовалъ же меня, да не взялъ ничего, и ни къ чему не придирался.

Ризинъ клялся, божился, что говоритъ правду, и что Петровъ дѣйствительно взялъ съ него пятьдесятъ рублей.

— Онъ не любитъ за что то меня, пояснилъ Ризинъ; самъ говорилъ мнѣ: «вы, говоритъ, ко мнѣ и не ходите, я васъ не люблю».

Николай Ивановичъ усмѣхнулся «Хорошъ видно ты, пріятель, что тебѣ въ глаза говорятъ такія вещи», подумалъ онъ про себя.

— Любить ли, не любить ли, а уже иначе онъ поступитъ не могъ. Какъ иначе то онъ отнесется, если вы не выдержали экзамена?

— Да что экзамень то? возразилъ Ризинъ, видимо оскорбившись, вѣдь онъ дѣлается только для проформы, чего тутъ на программу глядѣть то, да придираяться то? мало ли тамъ, что въ ней напишутъ, учить вѣдь все не станешь!

— А какъ же вы думаете? возразилъ Николай Ивановичъ.

— Да что тутъ думать то? вѣдь здѣсь все зависитъ отъ губернскаго землемѣра, а не отъ программы, или не отъ экзамена. Вѣдь уже какое онъ сдѣлаетъ представленіе, такъ такъ и будетъ, экзамень тутъ не поможетъ нисколько.

— По вашему, значитъ, что выдержалъ экзамень, что не выдержалъ—все равно?

— Я думаю, что все равно. Уже какъ губернской землемѣръ захочетъ, такъ опредѣлитъ, а не захочетъ, такъ не опредѣлитъ, что вы тутъ ни разучайте.

— А васъ общается опредѣлитъ?

— Далъ слово, «опредѣлю, говоритъ, непременно». Только впередъ денежки попросить.

— А сколько же онъ просить? полюбопытствовалъ Бобровъ.

— Шестьсотъ рублей ему, да пятьдесятъ, говоритъ, рублей Давыдовскому надо дать.

— Ну, а Давыдовскому то за что же? спросилъ Николай Ивановичъ, усмѣхнувшись.

— Онъ уже знаетъ какъ представленіе то написать, а вѣдь не такъ напишетъ, такъ пожалуй откажутъ — не опредѣлятъ.

— А губернской землемѣръ самъ не умѣетъ видно представленіе то написать?

— Попрямому то умѣетъ, а теперь какъ то по новому надо, вмѣстѣ, говорятъ, съ программю: онъ уже справлялся объ этомъ.

— Такъ уже вы рѣшились дать ему сколько онъ просить?

— Да уже я отнесъ, дѣлать то нечего, проговорилъ Ризинъ, ухмыляясь: — такъ то вѣдь не поступишь ни въ какую долж-

ность. Вѣдь и вы вотъ тоже обѣщались ему дать шестьсотъ же рублей, уже онъ мнѣ сказывалъ, добавилъ Ризинъ съ какою то кислосладкою улыбкою.

— Какъ! я обѣщался шестьсотъ рублей? возразилъ Николай Ивановичъ съ тревожнымъ безпокойствомъ: да съ чего же онъ это взялъ? И, дѣйствительно, обѣщался поблагодарить его, сколько могу, и то послѣ, да онъ отказался самъ отъ всякой благодарности. Ризинъ продолжалъ двусмысленно улыбаться.

— Не откажется, проговорилъ онъ съ видимою недовѣрчивостію: вы не скрывайтесь отъ меня, я вѣдь говорю съ вами подружески. Рогулькинь то вѣдь мнѣ все сказываетъ, онъ меня больно любить, цѣлуетъ все меня, добавилъ Ризинъ съ какою то сладкою улыбкою.

Только этого еще не доставало, подумалъ Николай Ивановичъ, покосившись на Ризина съ нѣкоторою даже досадою: «Самъ чортъ васъ съ Рогулькинымъ то не разбереть.»

— Онъ часто про васъ поминаетъ, продолжалъ Ризинъ: обѣщаль, говорить, а не несетъ.

— Да когда же я обѣщаль то? перебилъ Бобровъ съ видимою досадою.

— Ну, уже полноте, не говорите только никому, добавилъ Ризинъ съ нѣкоторою таинственностію, а онъ меня просилъ напомнить вамъ объ этомъ: иначе, говорить, займутъ всѣ вакансіи, тогда уже, говорить, будетъ поздно.» А онъ васъ тоже полюбилъ: «опредѣлю, говорить, его непременно». Николай Ивановичъ пожалъ плечами.

— Уже вы не медлите, отнесите ему, безъ этого вѣдь нельзя, посоветовалъ Ризинъ съ видимымъ доброжелательствомъ; вмѣстѣ бы и служить стали!.. Я васъ также полюбилъ, сообщилъ Ризинъ, въ видѣ величайшаго одолженія, принимаюсь обнимать и цѣловать Боброва.

— Любовь то вѣдь не въ этомъ заключается, замѣтилъ угрюмо Николай Ивановичъ, уклоняясь слегка отъ ласковыхъ поцѣлуевъ Ризина.

— Какъ, вотъ Рогулькинь съ любимаго человѣка шестьсотъ то рублей хочетъ слупить, такъ что то любовью то тутъ мало отзывается. Помоему, онъ хотя бы вовсе не любилъ, только ничего не бралъ бы.

Ризинъ, какъ болѣе знакомый съ существующими служебными обычаями, а также и по внутреннему своему убѣжденію, не понималъ хорошенько словъ Николая Ивановича.

Онъ не могъ себѣ и вообразить такого нелѣпаго предположенія, что бы быть на мѣстѣ губернскаго землемѣра и не брать взятокъ, а особенно при опредѣленіи лицъ въ уѣздные землемѣры. Онъ даже находилъ, что губернской землемѣръ поступаетъ слишкомъ еще милостиво, потому что за опредѣленіе въ уѣздные землемѣры, по его мнѣнію, можно бы дать и тысячку. По словамъ Мусолина и по всѣмъ справкамъ, какія самъ Ризинъ по

этому предмету успѣлъ сдѣлать, онъ рассчитывалъ навѣрняка, что такую сумму можно воротить однимъ годомъ, стоитъ только съѣздить на порядочное дѣльцо, и хорошенько поприжать богатыхъ мужиковъ, или отхватить у кого нибудь хорошенькій лоскуточекъ земли въ пользу богатаго помѣщика. Ризинъ объ этомъ только и разсуждалъ, на этомъ только и сосредоточивалъ все свое вниманіе, а потому все остальное казалось ему непонятнымъ.

Въ заключеніе всего, Ризинъ изъявилъ непреодолимое желаніе послать за водочкою. Этимъ онъ хотѣлъ доказать на дѣлѣ дружественное свое расположеніе къ Боброву.

— Извините, у меня ни денегъ нѣтъ, ни водки нѣтъ, отозвался Николай Ивановичъ, желая всачески отдѣлаться отъ такой дружбы.

— Я на свои пошлю, предложилъ Ризинъ.

— Какъ хотите, только для меня не беспокойтесь: я не пью.

— Ну, какъ же... возразилъ Ризинъ съ недовѣрчивою улыбкою.

— Право, не пью, подтвердилъ Бобровъ.

— Ну-у-у! вотъ еще!

И Ризинъ, несмотря ни на какія отговорки Боброва, послалъ знакомаго ему дьячка хозяина за водкою.

— Еще со вчерашняго здѣсь трещить, пояснилъ Ризинъ, въ видѣ самой резонной причины, хлопнувши слегка по своей голѣвѣ ладонью.

— Съ похмѣлья видно? полюбопытствовалъ Бобровъ.

— Съ Мусолинымъ кутили здѣсь цѣлую недѣлю изъ дня въ день, сообщилъ Ризинъ съ видимою похвалою. Славный онъ человѣкъ, добрякъ такой, все на свои деньги меня угощать, да цѣловалъ все меня, право. А уже выпить, такъ молодецъ!.. мнѣ столько, кажется, ни за что не выпить, присовокупилъ Ризинъ, какъ будто съ сожалѣніемъ. Вчера, вечеромъ, по одной только бутылочкѣ кизлярочки выпили, такъ уже у меня въ головѣ то и зашумѣло; а онъ—ничего и не замѣтилъ. «Давай, говорить, бальзаму еще выпьемъ по бутылочкѣ» — пожалуй, молъ, давай что попьется; отъ хорошаго, молъ, отговариваться нечего.. Уже не помню, сколько бальзаму выпили. Вы познакомьтесь съ нимъ, славный онъ человѣкъ, вы его полюбите, заключилъ Ризинъ, съ полною увѣренностію.

— Какъ не полюбить такого человѣка! отвѣтилъ Бобровъ съ проницескою улыбкою.

— Право, полюбите, подтвердилъ Ризинъ.

Между тѣмъ, дьячекъ принесъ водки цѣлый штофъ. Ризинъ поподчивалъ сначала дьячка, потомъ выпилъ самъ, а потомъ присталъ къ Николаю Ивановичу, и, съ помощію поцѣлуевъ и самыхъ цѣпкихъ обниманій, принудилъ его выпить цѣлую рюмку. Онъ присталъ, было, къ нему съ другою рюмкою, но

тотъ отъ другой рюмки уже отбился. По этому случаю, Ризинъ пригласилъ къ себѣ въ компанію дьячка, облобызавъ его прежде троекратно. Дьячекъ, конечно, не отказался. По мѣрѣ опустошенія штофа, плаксиво улыбающаяся физиономія Ризина начала видимо измѣняться, и приняла нѣсколько свирѣпый отънокъ.

— Ты, братъ, пей, не корячься! началъ онъ подбивать дьячка самымъ порывистымъ манеромъ, а не то вотъ!.. И Ризинъ показалъ дьячку нажатый кулакъ.

— Сугубо! произнесъ дьячекъ, тоже не безъ свирѣпости, показавъ Ризину оба нажатые кулака, — воздамъ сторицею. И дьячекъ, какъ бы для ободренія себя, выпилъ залпомъ двѣ рюмки сряду. Поступокъ этотъ привелъ Ризина въ прежнее умиленіе. Онъ посмотрѣлъ на дьячка минуты двѣ, улыбнулся, и бросился съ неистовствомъ цѣловать его, такъ что своротилъ у себя объ зубы дьячка верхнюю губу до крови.

Дьячекъ тоже воодушевился, и въ свою очередь обнялъ Ризина самымъ неистовѣйшимъ образомъ. Въ изліаніи сердечныхъ чувствъ, они такъ стали напирать другъ на друга, что потеряли равновѣсіе, и повалились на полъ. На полу провалились они минутъ десять, влягивая страшнымъ образомъ ногами, такъ что Николай Ивановичъ не могъ уже разобрать, — цѣлуются они, или дерутся.

Какъ бы то ни было, но дружественныя объятія и поцѣлун кончились благополучно. Ризинъ однако же поднялся съ пола въ самомъ раздражительномъ состояніи. Довольно азартно и порывисто онъ сталъ наливать рюмку, такъ что часть лилась въ рюмку, а большая половина на столъ.

— Пей! предложилъ онъ Николаю Ивановичу, бросивъ на него довольно злобный взглядъ, — бахвалиться то, братъ, нечего, если любишь меня, и хочешь быть хорошимъ товарищемъ, такъ пей!

Бобровъ занялся было отговориться, но Ризинъ схватилъ со стола рюмку, и выплеснулъ ее на Боброва.

— Вотъ же тебѣ послѣ этого! проговорилъ онъ злобно. — Ты меня за пьяницу что ли считаешь? я, братъ, пьяницею то еще не былъ никогда; я не Петровъ: рюмку вотъ одну выпью, пояснилъ Ризинъ, наливая себѣ рюмку, — а много двѣ, прибавилъ онъ, замѣтивъ, что въ штофъ осталось еще на рюмку, — больше намъ не нужно, называй насъ пьяницею то, какъ хочешь.

Выпивъ послѣднюю рюмку, Ризинъ хватилъ ее объ столъ и разбилъ въ дребезги, потомъ торопливо взявъ шапку, и, не протрившись ни съ кѣмъ, отправился домой въ самомъ гнѣвномъ расположеніи духа, сильно хлопнувъ за собою дверію. Что этимъ онъ желалъ доказать или выразить, — узнать было невозможно.

Николай Ивановичъ на этотъ разъ рѣшился уже перенести

всѣ нанесенныя ему оскорбленія, потому что опасался нажать въ немъ новаго себѣ врага.

Дьячекъ тоже, повидимому, былъ чѣмъ то недоволенъ, однако отправился къ себѣ безъ всякаго шума. Этотъ дружественный визитъ Ризина произвелъ на Николая Ивановича самое непріятное впечатлѣніе. «Неужели и этого человѣка опредѣлять въ землемѣры?» думалъ онъ, — «кажется, не можетъ этого быть, тѣмъ болѣе, что, по донесенію Петрова, онъ оказался въ межевой части вовсе неспособнымъ. Либо онъ все вретъ, либо его, дурака, обманываютъ. Впрочемъ, если уже опредѣлять въ землемѣры Ризина за деньги, такъ меня опредѣлять по необходимости», утѣшалъ себя Николай Ивановичъ, — «потому что я выдержалъ экзаменъ; объ мнѣ есть на этотъ разъ формальное донесеніе. Это уже фактъ; его не уничтожишь, между тѣмъ какъ для опредѣленія Ризина нѣтъ никакихъ данныхъ. Отстранить меня и опредѣлить Ризина — значить сдѣлать явную противозаконную несправедливость, которую я сейчасъ же могу обнаружить, и которая сама собою докажется фактами. Такой рискъ сдѣлать никто не рѣшится. А потому если уже опредѣлять Ризина, такъ непременно опредѣлять и меня, а всего вѣроятнѣе ему откажутъ.» Разсуждая такимъ образомъ, Николай Ивановичъ убѣдилъ себя окончательно, что онъ непременно будетъ опредѣленъ въ землемѣры, тѣмъ болѣе, что не было въ виду ни одного соперника, который лучше его зналъ бы межевыя науки.

Послѣ этого, Бобровъ сталъ посѣщать чертежную, съ цѣлію ознакомиться тамъ съ производствомъ чертежныхъ работъ; но не могъ, однако же, пріобрѣсти тамъ никакихъ особенныхъ свѣдѣній. Землемѣры большею частію только колобродили, и разсказывали другъ другу анекдоты изъ своей межевой жизни. Одинъ землемѣръ постоянно разсказывалъ про свои воинственные поступки, какимъ образомъ онъ нѣсколькимъ старостамъ выбилъ зубы, какъ у одного помѣщика сжегъ всѣ генеральные планы зато, что тотъ не далъ ему 700 рублей. Другіе высказывали свои практическія знанія въ межевомъ дѣлѣ: какимъ образомъ натягали они въ планахъ недостающее количество земли, которую они отхватили въ пользу какого нибудь добраго помѣщика, и какъ для полноты плана вставляли новыя линіи, которыхъ въ натурѣ вовсе не существуетъ. Землемѣръ въ вѣковѣчномъ фракѣ сообщилъ нѣсколько анекдотовъ о походахъ своей жены, о которой относился онъ не съ большою похвалою. Другіе землемѣры, кстати, разсказали, въ видѣ шутки, про его собственные уже походы, какимъ образомъ онъ, отправляясь на межу, первымъ дѣломъ закладываетъ у кого нибудь всѣ геодезическіе инструменты, а потомъ все лѣто межуется уже дачи безъ астролябій; на глазомѣръ и пр. Мусолинъ, въ свою очередь, сообщилъ только одно, что его гдѣ то мужики приняли въ колья, а за

что?—этого понять никто не могъ. Философовъ съ проницательною улыбкою поощрялъ только другихъ землемѣровъ къ разсказамъ, но самъ не разсказывалъ ничего. Одинъ только Петровъ не обращалъ ни на что никакого вниманія, и не участвовалъ ни въ какомъ разговорѣ. Въ продолженіе всего присутствія, онъ не проговорилъ ни съ кѣмъ ни одного слова, ни на кого и ни на что не глядѣлъ, а, не поднимая головы, занимался своимъ дѣломъ. Офиціальныя занятія землемѣровъ по преимуществу состояли въ перепискѣ межевыхъ книгъ и въ черченіи плана губернскаго города и уѣздныхъ карточекъ, которыми Мардохей Петровичъ, въ видахъ глубокаго уваженія и преданности, дарилъ всѣхъ почетныхъ лицъ и знакомыхъ ему богатыхъ помѣщиковъ.

Модные фрачники съ любовію занимались перепискою межевыхъ книгъ. Въ этомъ занятіи, повидимому, находили они какую то поэзію, такъ что землемѣръ съ саркастическою улыбкою постепенно, и съ какимъ то самодовольствіемъ, диктовалъ во всеуслышаніе свою собственную переписку: «пдучи тою линією и перешедъ оврагъ безтымянный, а за онымъ перешедъ рѣчку Кувердяйку, и перешедъ проселочную дорогу и дошедъ до межеваго столба, поставленнаго землемѣромъ такимъ то, а за онымъ дошедъ до земли такой то, а за оною дошедъ до земли такой то и пр.» Диктуя себѣ этотъ наборъ словъ, землемѣръ самодовольно поспатривалъ по сторонамъ. Этимъ онъ старался доказать свою опытность въ межевомъ дѣлѣ, и что все это онъ знаетъ наизусть.

— Приятно, какъ все это знаешь, произносилъ онъ иногда, закончивъ вышеприведенный наборъ словъ.

— Вотъ чему учиться то надобно, прибавлялъ онъ, обращаясь съ презрительною насмѣшкою къ Боброву.

Бобровъ невольно улыбнулся. Онъ сначала думалъ, что это говорятъ ему въ шутку, но въ послѣдствіи увѣрился, что говорилось это съ убѣжденіемъ.

Какъ бы то ни было, но Николай Ивановичъ, посѣщая чертежную, по крайней мѣрѣ узналъ поближе всѣхъ землемѣровъ. Онъ хорошо познакомился съ Петровымъ, а съ Философовымъ сошелся даже подружески. Они часто посѣщали другъ друга, и проводили въ дружественныхъ бесѣдахъ чуть не цѣлыя ночи. Философовъ оказался весьма умнымъ, любознательнымъ и, по природѣ, честнымъ человекомъ. Они много разговаривали насчетъ Мардохея Петровича. Философовъ понималъ его за весьма простаго и добраго человѣка, у котораго престога доходить иногда до глупости, но что онъ не можетъ сдѣлать челоуѣку никакого умышленнаго вреда. Хотя и сообщилъ онъ Боброву самыя достовѣрныя свѣдѣнія о томъ, что Рогоулькинъ за всякое дѣло беретъ взятки, но не придавалъ этому обстоятельству никакаго значенія, и не ставилъ этого Рогоулькину ни въ какую укоризну. Въ описываемую нами эпоху времени служащій челоуѣкъ невзяточникъ былъ немислимъ. О взяткахъ говорили

тогда открыто, какъ о необходимой задѣльной платѣ, установившейся въ общественномъ мнѣніи, такъ что исполнять служебныя обязанности, и не брать взятокъ, у многихъ считалось тогда дѣломъ безчестнымъ, или по крайней мѣрѣ унижительнымъ для благороднаго человѣка. Тотъ, кто относился съ презрѣніемъ о взяткахъ и о взяточникахъ, почти не могъ быть терпимъ на государственной службѣ. Такой человѣкъ считался вообще вреднымъ, и нарушающимъ общественное спокойствіе. Конечно, взятки давались не всегда съ большою охотою, но всетаки тотъ, кто бралъ большія взятки, пользовался въ обществѣ большимъ уваженіемъ, нежели тотъ, который отъ нихъ вовсе отказывался. Всего болѣе укоренился этотъ обычай въ землемѣрной сферѣ, такъ что съ землемѣромъ, неберущимъ взятокъ, порядочный помѣщикъ не сталъ бы имѣть никакого дѣла, потому что взятки служили тогда оцѣнкою человѣческихъ достоинствъ. Развившись подъ вліяніемъ тогдашняго времени, Философовъ, въ свою очередь, тоже придерживался господствующаго мнѣнія, и потому не только не видѣлъ во взяткахъ ничего предосудительнаго, но даже считалъ ихъ за должное, точно такъ же, какъ иной докторъ считаетъ благороднымъ долгомъ драть съ живаго и мертваго за свои бесполезныя, а иногда даже вредныя, визиты. Бобровъ во многомъ уважалъ мнѣніе Философова, но въ этомъ случаѣ съ нимъ не соглашался.

Какъ человѣку, незнакому съ сферою служебной жизни, и развившему себя самостоятельно, вѣдъ всякихъ постороннихъ вліяній, ему представлялось чрезвычайно страннымъ слышать отъ Философова такия слова, которыя оправдываютъ взятки, тѣмъ болѣе, что онъ Философова считалъ за человѣка образованнаго и честнаго. По этому поводу часто возникали между ними споры. Философовъ хотя не безусловно оправдывалъ взятки, но по крайней мѣрѣ считалъ необходимымъ брать ихъ за межевья работы. Бобровъ, напротивъ того, отрицалъ безусловно всякаго рода взятки, и называлъ ихъ дѣломъ безчестнымъ, чуть не воровствомъ.

— Человѣкъ, посвятившій себя для пользы государственной службы, ни подъ какимъ видомъ не долженъ разсчитывать на взятки, говорилъ между прочимъ Николай Ивановичъ.

— Даромъ что ли я стану для каждаго работать? возражалъ Философовъ; батракъ что ли я для каждаго? Я, братецъ, цѣню себя не хуже другихъ, я вѣдъ не крѣпостный человѣкъ, даромъ для каждаго трудиться не стану.

— Вы здѣсь трудитесь не для лица, а для общества и государства, съ котораго получаете жалованье и чины, оспаривалъ Бобровъ,— стало быть, трудитесь не даромъ. А для общества и государства можно при случаѣ потрудиться и даромъ, въ этомъ безчестія нѣтъ никакого.

— Даромъ, братъ, можетъ дѣлать только тотъ, кто не разсчитываетъ уже жить на свѣтѣ, потому что жизнь требуетъ посто-

янныхъ расходовъ, а на казенное жалованіе тоже не проживешь; въ противномъ случаѣ понадобится жить пеннищенски.

— Это уже другое дѣло, возражалъ Бобровъ: о прибавкѣ жалованія, если его дѣйствительно не достаеетъ на жизнь, хлопотать слѣдуетъ; но, въ тоже время, слѣдуетъ хлопотать и объ уничтоженіи взятокъ. Какъ вы ихъ ни оправдываете, а все такія, по моему мнѣнію, взятки дѣло безчестное. Даромъ взятки не даютъ, а все уже за какое нибудь безчестное дѣло.

Философову чрезвычайно не понравилось такое заключеніе. Онъ, въ сущности, дѣйствительно былъ честный человѣкъ, и потому взятку понималъ, какъ вознагражденіе за честный трудъ.

— Я, братъ, безчестнаго дѣла не сдѣлаю никогда, и низа какія деньги, проговорилъ онъ, нахмурился; если возьму, такъ за честный трудъ, который этого стоитъ.

— Вы это обязаны дѣлать по службѣ, а никакъ уже не за взятку, иначе вамъ не дали бы ни чиновъ, ни жалованія. Если вы за каждое дѣло требуете себѣ частнаго вознагражденія, такъ въ чемъ же будетъ состоять ваша то обязанность?

— Я обязанъ размежевать дачу, а владѣльцы обязаны заплатить мнѣ за это, произнесъ Философовъ самымъ положительнымъ тономъ.

— А если они не заплатятъ? да, можетъ быть, и заплатить то нечѣмъ? или одна сторона заплатитъ, а другая то итъ, тогда что вы станете дѣлать то?

— Да что дѣлать то? ничего не стану дѣлать, проговорилъ Философовъ, немножко задумавшись, — уѣду на другую дачу.

— А служебная то обязанность? напомнилъ Бобровъ съ улыбкою: — вѣдь по службѣ то вы обязаны исполнять всякое дѣло, какое вамъ ни поручать, а уже тамъ дадутъ ли вамъ что за это, не дадутъ ли, это уже другое дѣло.

— Послѣ того знаю что не дадутъ проговорилъ, смѣясь, Философовъ: — какъ дѣло то совсѣмъ кончишь, такъ ихъ скотовъ къ благодарности то уже не скоро притянешь.

— А уже если кто благодаритъ васъ или общаетъ дать прежде дѣла, такъ тотъ навѣрняка считаетъ васъ за безчестнаго человѣка, замѣтилъ безъ церемоніи Бобровъ.

— А почему же это? спросилъ торопливо Философовъ съ недовольнымъ видомъ. Я сказалъ тебѣ, что беру благодарность не за безчестное дѣло, а за честный трудъ, добавилъ онъ значительно.

— Да они то рассчитываютъ не за трудъ, а прямо за безчестное дѣло, возразилъ Бобровъ; если бы они благодарили васъ изъ усердія, за трудъ, то могли бы поблагодарить васъ и послѣ окончанія дѣла, безъ всякихъ предварительныхъ общаній. А уже если, какъ вы говорите, они послѣ не дадутъ ничего, такъ ясно, что они даютъ не изъ усердія и не за трудъ, а прямо за какое нибудь безчестное дѣло; надѣются, что за эту благодарность вы въ пользу ихъ сдѣлаете какого нибудь вертка.

— На это, братъ, можетъ разсчитывать только одинъ подлець, съ которымъ я и говорить то не стану, возразилъ Философовъ съ достоинствомъ, а вѣдь не всѣ же подлецы, какъ ты думаешь? есть тоже и честные люди, которые и сами ни за что не соглашались, что бы въ пользу ихъ сдѣлать былъ какой нибудь вертокъ.

— Я про это не говорю, можетъ быть они и честны, и не желаютъ себѣ ничего лишняго; но если уже даютъ или обѣщаютъ вамъ впередъ, такъ васъ то они считаютъ за безчестнаго человѣка, на васъ то, значитъ, они не надѣются, вотъ я про что говорю! Безчестный человѣкъ даетъ впередъ за то, что бы вы все дѣлали въ его пользу, а честный за то, чтобы вы по крайней мѣрѣ не сдѣлали какого нибудь вертка въ пользу другаго, и въ чемъ нибудь его не обманули бы. Если бы онъ этого не опасался, и вполне довѣрялъ бы вашей честности, такъ не было бы надобности ни въ какихъ предварительныхъ обѣщаніяхъ или условіяхъ. Если я самъ честный человѣкъ, и увѣренъ, что вы, при исполненіи дѣла, во всякомъ случаѣ тоже поступите честно, по закону, такъ для какой же дѣли я буду дѣлать съ вами различныя условія, или благодарить васъ прежде всякаго дѣла? Если кто даетъ или обѣщаетъ вамъ впередъ, такъ тотъ, можетъ быть, и честный человѣкъ; но уже васъ то, навѣрное, считаютъ за безчестнаго человѣка, что вы тутъ ни говорите. А потому, кто дорожить своею честію, тотъ, по моему мнѣнію, не долженъ входить съ владѣльцами ни въ какія предварительныя условія; въ противномъ случаѣ, не долженъ уже оскорбляться, если его назовутъ подлецомъ!..

— А на какомъ же основаніи назовутъ меня подлецомъ, если я исполню дѣло правильно и по закону? возразилъ Философовъ, разгорячившись.

— А на томъ основаніи, что взяли за это деньги. Этимъ вы доказываете ясно и положительно, что правильно и законно вы можете дѣлать только тогда, когда дадутъ вамъ деньги, а вѣдь извѣстное дѣло, что за деньги то и безчестный человѣкъ дѣлаетъ иногда самыя честныя дѣла.

— Такъ вы думаете, что честный человѣкъ долженъ всякое дѣло дѣлать даромъ, что ли? возразилъ Философовъ.

— Вы не сбивайте меня, замѣтилъ съ усмѣшкою Николай Ивановичъ; я говорю не о всякомъ дѣлѣ, а только о служебной обязанности. Она потому и называется обязанностию, что честный человѣкъ обязанъ исполнять ее безусловно, не разсчитывая ни на какія постороннія вознагражденія, которыя воспрещены и закономъ.

— А почему же докторамъ то вѣдно брать и за визиты, и сверхъ визитовъ? перебилъ энергично Философовъ; вѣдь они тоже состоятъ на государственной службѣ, тоже получаютъ и чины, и жалованіе; отъ чего же они даромъ то не лечатъ ни-

кого? Они берутъ взятки, — такъ это законно, а нашему брату незаконно! какое дѣло, подумаешь!..

— Что же дѣлать то, коли имъ законъ этого не воспрещаетъ, а всѣмъ другимъ воспрещаетъ? отвѣтилъ Николай Ивановичъ съ недовольнымъ видомъ. — Впрочемъ, я это тоже нахожу крайне несправедливымъ, добавилъ онъ потомъ.

— А почему же несправедливымъ?

— Да потому, что за визитъ то доктору можетъ заплатить не всякій, а заболѣть то можетъ всякій. Поэтому бѣдные лю-сади докторовъ уже къ себѣ и не приглашаютъ, а лечатся ми, чѣмъ попало... Вы бѣдности то видно, Иванъ Васильичъ, не испитали, добавилъ Бобровъ съ чувствомъ, такъ и оправдываете всѣ эти благодарности, а какъ испитали бы, такъ не то заговорили бы. Брать то эти благодарности хорошо, да давать то каково! Съ меня, вотъ, Рогулькинъ просить шесть-сотъ рублей, а у меня нѣтъ и шестисотъ копѣекъ, такъ тутъ что станешь дѣлать то? а вы знаете, что я выдержалъ экзаменъ, а кто въ состояніи эти заплатить, тотъ не выдержалъ. На это что вы скажете?

— Вотъ это такъ уже будетъ подлость! подхватилъ Философовъ, да этого, братъ, Рогулькинъ и не сдѣлаетъ. Тебя онъ хотѣлъ представить непременно: онъ при всѣхъ это говорилъ. Хотя онъ и простоватъ, а всетаки человѣкъ добрый незлонамѣренный, я въ этомъ увѣренъ. — Вѣдь онъ съ тебя ничего не требовалъ?

— Самъ не требовалъ, да Ризинъ вотъ говоритъ, что будто бы ему нагазывалъ, да и Давыдовской тоже говорилъ.

— Кому ты, братецъ, вѣришь! перебилъ Философовъ презрительно: — неужели ты не видишь какіе это люди? Вѣдь это чистые скоты; для этихъ людей ничего нѣтъ святого! Я этого Давыдовскаго когда нибудь изъ чертежной выгоню по шеѣ.

— Да, кажется, и надобно бы, замѣтилъ въ свою очередь Бобровъ.

— Я больно горячь, чортъ возьми! проговорилъ, смѣючись, Философовъ; неравно какъ Рогулькинъ за него вступится, такъ сгоряча, пожалуй, и его выгоню, право. Такую катавасію надѣлаешь, что чортъ знаетъ! Этого только и боюсь, а то уже я его давно вытурилъ бы.

— А другіе то землемѣры чего же глядятъ?

— Это, братъ, такіе же скоты! произнесъ Философовъ, махнувъ рукою; я половину и землемѣровъ выгналъ бы, да, кажется, и выгоню, только вотъ поглядѣться бы немножко. Самъ еще недавно служу; да одному то плохо и дѣйствовать. Вотъ поступай, братъ, поскорѣе, вмѣстѣ то бы что нибудь, можетъ, и сдѣлали. Вѣдь у насъ чортъ знаетъ что дѣлается! Рогулькину то надо все это растолковать, онъ хотя и добрый человѣкъ, да уже больно глуповатъ, надо сказать дѣло.

— Такъ вы вотъ и растолковали бы ему, замѣтилъ Бобровъ.

— Хладнокровно то, братецъ, говорить не умѣю, сказалъ Философовъ, размѣявшись,—того гляди обругаю всѣхъ, никакъ не сдерживаясь, мерзостей то больно много дѣлаютъ. Ты вотъ и за труды то взять считаешь безчестнымъ дѣломъ; можетъ быть это и правда, я еще объ этомъ подумаю, а здѣсь вѣдь чортъ знаетъ за что берутъ и что дѣлаютъ!

Бобровъ полюбостствовалъ было о томъ, что дѣлаютъ, но Философовъ махнулъ только рукою.

— Петровъ, кажется, у васъ хорошей человѣкъ, замѣтилъ между прочимъ Николай Ивановичъ.

— Хорошо то онъ хорошъ; да съ нимъ, братъ, ничего не сдѣлаешь—каши не сварить. Онъ какой то странный человѣкъ; его и не поймешь: ничего не говоритъ, ничего не возражаетъ, а дѣлаетъ, что велѣтъ, безъ всякаго разсужденія. Онъ, кажется, подчинить все, хотя на свою голову.

— Однако вотъ онъ объ Ризинѣ отнесся какъ слѣдуетъ, замѣтилъ Бобровъ: — вѣдь Ризинъ дѣйствительно ничего не знаетъ, а Рогоулкинъ равно желалъ бы, что бы онъ объ немъ отнесся хорошо.

— Это, братъ, я уже не знаю, какъ у него и сдѣбалось, на это всѣ не могутъ и надивиться. Говорятъ, что ты больно много даль ему?

Николай Ивановичъ усмѣхнулся.

— Да я не даль ему ни копѣйки, но онъ съ меня и не требовалъ.

— Уже это такъ видно у него сдѣбалось, подъ пьяную руку, замѣтилъ Философовъ съ усмѣшкою. Вѣдь онъ чай не экзаменовалъ ни того, ни другаго! добавилъ онъ, въ видѣ шутки.

— Не знаю какъ того, а меня то экзаменовалъ.

— Какъ же онъ спрашивалъ — изъ каждаго предмета?

— Нѣтъ, онъ только велѣлъ мнѣ по программѣ объяснить каждую науку, я и объяснилъ, какъ знаю. Онъ такъ ничего мнѣ тогда и не сказалъ; я думалъ, что онъ остался недоволенъ моимъ объясненіемъ.

Такимъ образомъ Бобровъ и Философовъ часто разговаривали между собою о различныхъ предметахъ, а иногда порядочно и спорили. Какъ бы то ни было, но Бобровъ былъ чрезвычайно радъ, что нашелъ въ Философовѣ весьма хорошаго и честнаго человѣка, съ которымъ разгнанивалъ свою скуку. Въ послѣдствіи времени, каждый изъ нихъ измѣнилъ свое мнѣніе насчетъ взятокъ или такъ называемой благодарности. Бобровъ остановился на томъ мнѣніи, что если благодарность не вынужденная, и предлагается безусловно, послѣ уже окончанія дѣла, то отъ нея отказываться не слѣдуетъ, потому что подобная благодарность, ни въ какомъ случаѣ, уже не можетъ назваться

взяткою. Это будет все равно, что подароѣкъ, предложенный любимому человѣку, въ знакъ искренняго къ нему расположенія. Философовъ, напротивъ того, такъ ожесточился противъ взятокъ, что готовъ былъ колотить по зубамъ всѣхъ, кто только намекнетъ ему объ этомъ. Послѣ разсужденій съ Бобровымъ, онъ долго думалъ о всѣхъ этихъ благодарностяхъ, и пришелъ, наконецъ, къ рѣшительному убѣжденію, что тотъ, кто предлагаетъ ему благодарность, дѣйствительно считаетъ его за безчестнаго человѣка, а Философовъ о томъ только и заботился, что бы на словѣ и на дѣлѣ быть честнымъ человѣкомъ, что бы никто не имѣлъ права не только назвать, но и подумать, что онъ человѣкъ безчестный. — «Я, братецъ, дворянинъ», говорилъ послѣ этого Философовъ съ нѣкоторою гордостью, «и потому честность должна быть вѣчнымъ моимъ девизомъ.»

Послѣ этого, когда, бывало, какой нибудь простенькій мужичекъ только еще намекнетъ ему «что мы-де вашу милость поблагодаримъ за ваши труды», Философовъ возненавидится страшнымъ образомъ. — «Самъ ты подлецъ!» вскричитъ онъ, въ отвѣтъ на это, какъ будто бы предложеніемъ о благодарности дѣйствительно уже назвали его подлецомъ.

Бобровъ заходилъ иногда и къ Петрову, но разговаривалъ съ нимъ мало, потому что тотъ не входилъ съ нимъ ни въ какія разсужденія, а болѣе всего молчалъ. Въ какой то грустной задумчивости онъ прохаживался только по комнатѣ, и постоянно курилъ трубку. Николай Ивановичъ просиживалъ иногда съ нимъ цѣлыя вечера, почти не проговоривши ни одного слова; при всемъ томъ Петровъ, повидимому, былъ очень радъ его посѣщенію. Когда Николай Ивановичъ начиналъ собираться домой, то онъ всегда останавливалъ его. — «Посидите еще, если можно-съ», говорилъ онъ съ видимымъ радушіемъ. Бобровъ, конечно, оставался, потому что и онъ, въ свою очередь, находилъ какое то удовольствіе сидѣть у Петрова. Иногда вся ихъ бесѣда буквально ограничивалась только двумя словами: здравствуйте и «прощайте»; за всѣмъ тѣмъ, и послѣ такой бесѣды, у Николая Ивановича становилось какъ то легче на душѣ. Онъ и самъ не могъ надивиться, почему его тянуло къ Петрову, а отъ другихъ землемѣровъ какъ будто отталкивало, несмотря на то, что многіе изъ нихъ были несравненно представительнѣе Петрова, разговорчивѣе и въ послѣднее время стали оказывать Боброву нѣкоторое вниманіе. Правда, Николая Ивановича интересовалъ особенный характеръ Петрова, который казался загадочнымъ и для его товарищей. Бобровъ всячески старался разгадать его, узнать, какой онъ имѣетъ взглядъ на вещи и на людей, но молчаливая его натура не обнаруживала никакого взгляда. Судя по его лицу и по нѣкоторымъ отрывочнымъ фразамъ, можно было, однако же, замѣтить, что онъ былъ довольно уменъ и образованъ; но чрезвычайное его хладнокровіе и невниманіе ко всему окружающему, его видимая безпечность о своей собственной судь-

бѣ, какъ будто доказывали противное. Онъ чрезвычайно однако же любилъ читать, и читалъ весьма много; но въ то же время невозможно было добиться у него никакого отзыва о томъ, что онъ прочиталъ.

Однажды, часовъ въ девять вечера, совершенно неожиданно Петровъ зашелъ къ Николаю Ивановичу на квартиру.

— Я посидѣть къ вамъ пришель-сь, проговорилъ Петровъ, снимая шинель.

— Милости просимъ, очень радъ, отозвался Николай Ивановичъ.

— Вы рано ли ложитесь спать? спросилъ его Петровъ.

— Какъ приведется, отвѣтилъ Бобровъ, иногда сижу долго, читаю что нибудь.

Петровъ не отвѣтилъ на это ничего, а закурилъ трубку, которую принесъ съ собою и сталъ машинально прохаживаться по комнатѣ.

— Уже я посижу у васъ до двѣнадцати часовъ, сообщилъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія.

— Сдѣлайте одолженіе, хотя до двухъ часовъ, мнѣ очень пріятно, отвѣтилъ Бобровъ.

— Нѣтъ только до двѣнадцати-сь, проговорилъ Петровъ самымъ положительнымъ тономъ, и снова замолчалъ. Николай Ивановичъ тоже молчалъ, потому что не зналъ что говорить.

— Вамъ скучно со мной-сь, заговорилъ Петровъ, против всякаго обмыновенія.

— А почему же вы думаете, что скучно? отвѣтилъ уклончиво Николай Ивановичъ, который дѣйствительно не рассчитывалъ уже на особенную веселость, а думалъ, что на этотъ разъ приведется просидѣть съ нимъ три часа безъ всякаго разговора.

— Я мало говорю-сь, произнесъ Петровъ довольно отрывисто.

— Вы дѣйствительно немного говорите, замѣтилъ Николай Ивановичъ съ улыбкою.

— Чего уже тутъ «немного то»! ничего не говорю-сь, подтвердилъ Петровъ.

— Должно быть не любите? полюбопытствовалъ Бобровъ, который радъ былъ продолжать разговоръ и на эту тему.

— Очень люблю-сь, отвѣтилъ Петровъ положительно.

— Такъ отчего же вы такъ мало всегда разговариваете? продолжалъ спрашивать Николай Ивановичъ, удивленный такою неожиданною откровенностію Петрова.

— По той причинѣ, что не съ кѣмъ говорить-сь, да и не объ чемъ-сь.

— Какъ не съ кѣмъ говорить? возразилъ Николай Ивановичъ; у васъ вотъ не мало товарищей по службѣ.

Петровъ едва замѣтно улыбнулся, но не отвѣтилъ ничего.

— У васъ поговорить есть съ кѣмъ, продолжалъ Николай

Ивановичъ:—да кажется и есть объ чемъ: у землемѣра то, я думаю, мало ли на межѣ то случасвъ бываетъ?

— Много-съ, подтвердилъ Петровъ.

Николай Ивановичъ ожидалъ было отъ Петрова какихъ нибудь поясненій, до тотъ не промолвилъ болѣе ни одного слова, а попрежнему сталъ задумчиво прохаживаться по комнатѣ.

— У васъ, кажется, есть довольно хорошіе товарищи? вздумалъ польстить Николай Ивановичъ, и желая какъ нибудь вызвать Петрова на дальнѣйшій разговоръ.

— Хорошіе-съ, отвѣтилъ Петровъ утвердительно:—я съ ними водочку пью-съ, прибавилъ онъ въ видѣ поясненія.

— Водочка, водочкою, а дѣло дѣломъ, проговорилъ Николай Ивановичъ, стараясь доказать этимъ, что питье водочки понимаетъ онъ не какъ пьянство, а какъ препровожденіе времени.

— Я съ ними люблю только водочку пить-съ, снова подтвердилъ Петровъ. «Ну уже это насмѣшка», подумалъ просебя Николай Ивановичъ.

— Вотъ Мусолинъ, кажется, у васъ не такъ то хорошъ, замѣтилъ онъ откровенно, въ той увѣренности, что также отнесется объ немъ и Петровъ.

— Я его люблю-съ, отвѣтилъ Петровъ, противъ всякаго ожиданія.

Николай Ивановичъ немножко сконфузился, и посмотрѣлъ на Петрова съ недоумѣніемъ. Онъ подумалъ, что Петровъ сказалъ это проницески, но въ лицѣ его, однако же, не выразилось никакой ироніи.

— Вѣдь онъ, кажется, не лучше же другихъ землемѣровъ? проговорилъ Николай Ивановичъ, какъ бы оправдываясь въ своемъ неловкомъ промахѣ.

— Хуже-съ, отвѣтилъ Петровъ положительно, а я его люблю-съ.

— За что же вы его любите? спросилъ Николай Ивановичъ съ видимымъ любопытствомъ.

— По той причинѣ, что уже онъ очень глупъ, пояснилъ Петровъ самымъ положительнымъ тономъ: забавенъ очень-съ.

Николай Ивановичъ разсмѣялся.

— За это однако же достоинство нельзя любить, замѣтилъ онъ, смѣясь.

— По крайней мѣрѣ, онъ уже ничего не говоритъ про межеваніе-съ, разъяснялъ Петровъ:—а другіе то только про это и говорятъ, а я этого не люблю-съ.

— Отчего же вы не любите говорить про межеваніе? вы сами землемѣръ?

— Совѣстно-съ, проговорилъ только Петровъ какимъ то недовольнымъ тономъ.

Николай Ивановичъ любопытствовалъ было узнать, почему именно совѣстно говорить про межеваніе, но Петровъ не

давалъ на это никакого опредѣлительнаго отвѣта, а только от-малчивался.

— Межеваніе у насъ мерзость-съ! произнесъ онъ наконецъ съ видимою досадою, когда Бобровъ сталъ уже приставать къ нему; про это не стоить говорить-съ.

«Это уже зависить отъ вашего брата, землемѣра», подумалъ просебя Николай Ивановичъ.

— Вамъ трудно будетъ, если вы поступите-съ, замѣтилъ, между прочимъ, Петровъ, съ нѣкоторымъ сожалѣніемъ.

— Что же трудно то? вѣдь люди служатъ же, возразилъ Николай Ивановичъ:—и я также буду служить, привыкну.

Петровъ какъ то печально улыбнулся, но возраженія никакого не сдѣлалъ. Вообще онъ въ этотъ вечеръ заговорилъ о многомъ, но окончательно не объяснялъ ничего, а ограничивался только одними намеками. Николай Ивановичъ полюбопытствовалъ наконецъ узнать его мнѣніе насчетъ губернскаго землемѣра, который заботилъ его больше всего, и о которомъ составилось у него какое то двойное понятіе.

— Для насъ хорошъ-съ, отвѣтилъ на это Петровъ по той причинѣ, что мы скоты-съ, а для скотовъ онъ очень хорошъ-съ.

— Вы уже очень строго себя судите, замѣтилъ ради деликатности Николай Ивановичъ;—вѣдь у васъ не всѣ же скоты. есть тоже и хорошие люди.

— Всѣ-съ, произнесъ Петровъ положительно.

— Это неправда, возразилъ Николай Ивановичъ:— такъ то вы и себя то уже не исключаете, прибавилъ онъ съ усмѣшкою.

— Нѣтъ-съ, подтвердилъ Петровъ, съ тою же положительностію, по той причинѣ, что я первый скоть-съ.

— Это неправда! отрицалъ Николай Ивановичъ, который дѣйствительно былъ о Петровѣ противнаго мнѣнія, вы такъ только это говорите.

— Думайте, какъ вамъ угодно-съ, заключилъ Петровъ.

— Ну, а Философовъ? продолжалъ разспрашивать Николай Ивановичъ; онъ, по моему мнѣнію, тоже славный человѣкъ.

— Его выгонять-съ, произнесъ Петровъ, не думавши.

— За что же его выгонять? спросилъ съ изумленіемъ Бобровъ.

— Не знаю за что, а только выгонять-съ.

— А! такъ вы только еще предполагаете, что выгонять, но вѣдь этого, можетъ быть, и не будетъ.

Не сдѣлавъ на это никакого возраженія, Петровъ началъ торопливо собираться домой.

— Куда же вы сѣдете? посидите немножко, если можно, проговорилъ Николай Ивановичъ, удивляясь такой внезапности.

— Пора-съ! произнесъ Петровъ положительно, прощаясь съ Бобровымъ.

— Опять когда нибудь милости просимъ, заходите отъ скуки, приглашалъ Николай Ивановичъ, мнѣ очень пріятно.

— Чрезъ двѣ недѣли зайду-сь, проговорилъ Петровъ.

— А въ это время занятія видно у васъ есть какія нибудь? полюбопытствовалъ Николай Ивановичъ.

— Нѣтъ никакихъ-сь, отвѣтилъ Петровъ, все кончилъ-сь.

— Такъ что же въ это время вы будете дѣлать?

— Водочку буду пить-сь, пояснилъ Петровъ весьма серьезнымъ тономъ, и съ этими словами поспѣшно отправился домой.

Николай Ивановичъ разсмѣялся, и конечно принялъ это за шутку.

«Чудакъ какой то, его и не поймешь», подумалъ просебя Николай Ивановичъ, по уходѣ Петрова.

Петровъ говорилъ и дѣйствовалъ чрезвычайно положительно. Каждое слово онъ высказывалъ только одинъ разъ. Вѣрять этому слову или не вѣрять—онъ объ этомъ, повидимому, нисколько уже не заботился, и потому, въ случаѣ выраженного сомнѣнія съ противной стороны, не дѣлалъ уже никакихъ возраженій и не прискивалъ никакихъ доказательствъ. Сказалъ слово—и больше ничего. Въ божьѣ или въ какихъ либо другихъ увѣреніяхъ онъ не находилъ никакого смысла. Точно также онъ и дѣйствовалъ на дѣлѣ. Не было примѣра, что бы онъ когда нибудь измѣнилъ свое намѣреніе, которое онъ высказалъ.

Угрожаетъ ли ему въ предпринятомъ дѣлѣ какое нибудь несчастіе, или льститъ какая нибудь особенная выгода, онъ исполнялъ его съ одинаковымъ хладнокровіемъ и спокойствіемъ, нисколько не заботясь о результатѣ.

Однажды кончивъ размежеваніе какой то большой дачи, Петровъ намѣренъ былъ уѣхать съ этой дачи въ двѣнадцать часовъ дня. Лошади уже были готовы. Въ это время, бурмистръ богатой вотчины сообщилъ Петрову, что баринъ приказалъ поблагодарить его двумястами руб. сер., и что по этому случаю посланъ уже въ вотчинную контору земскій за деньгами, который сейчасъ же долженъ возвратиться. Выслушавъ это, Петровъ преспокойно сѣлъ въ повозку, и отправился куда было надобно, не дождавшись и земскаго, и не поблагодаривъ даже бурмиистра за его предложеніе. Вообще онъ дѣйствовалъ какъ то машинально, по крайней мѣрѣ не высказывалъ никому никакихъ своихъ соображеній, никакихъ догадокъ и ни съ кѣмъ ни въ чемъ не совѣтовался.

Спустя послѣ этого недѣлю, Николай Ивановичъ вздумалъ посѣтить Петрова, который съ тѣхъ поръ въ чертежную не являлся. Нѣкоторые землемѣры говорили, что онъ боленъ, а другіе говорили, что пьянствуетъ, особенно увѣрялъ въ этомъ Мусалинъ, который называлъ Петрова самымъ горькимъ

пьяницею. Первое извѣстіе о пьянствѣ Петрова сообщилъ Ризинъ. Онъ даже нарочно для этого зашелъ въ чертежную.

Николай Ивановичъ невольнѣ было довѣрять отзывамъ Муколина и Ризина, но, къ сожалѣнію, отзывы эти почти оправдались на дѣлѣ. Квартирная хозяйка Петрова сообщила Николаю Ивановичу, что Петровъ дѣйствительно пьетъ цѣлую педьлю, не выходя изъ своей комнаты, и не принимая къ себѣ никого изъ постороннихъ.

— Такъ, стало быть, мнѣ нельзя его видѣть? спросилъ Николай Ивановичъ хозяйку.

— Пожалуй, полюбуйся, коли хочется, отозвалась хозяйка съ пренебреженіемъ: что съ нимъ съ пьянымъ говорить-то станешь? Бродить, вонъ, только по горницѣ день и ночь, какъ мокрая курица, да бормочетъ себѣ что то подъ носъ, прибавила она съ насмѣшкою.

Николай Ивановичъ подумалъ немножко, но всетаки рѣшилъ зайти къ Петрову.

Петровъ дѣйствительно оказался порядочно пьянъ; но всетаки ходилъ по комнатамъ и курилъ трубку.

— Извините, не обезпокоилъ ли я васъ? оговорился Николай Ивановичъ, входя въ комнату.

— Очень радъ-съ! проговорилъ Петровъ, видимо, однако же, конфузась: меня уже извините,—пьянствую, прибавилъ онъ какимъ то прискорбнымъ тономъ, по той причинѣ, что очень скучно-съ.

Николай Ивановичъ вполнѣ съ этимъ согласился, и, въ свою очередь, сообщилъ, что онъ самъ зашелъ къ нему единственно только для развлечения себя отъ скуки.

Петровъ былъ довольно уже слабъ и объяснялся не слишкомъ свободно, но, къ удивленію Николая Ивановича, говорилъ чрезвычайно основательно и обдуманно. Въ это время онъ представлялъ совершенно противоположность съ самимъ собою противъ того, когда бывалъ трезвымъ. На сколько онъ былъ тогда молчаливъ, и, повидимому, безучастенъ, на столько сдѣлался теперь разговорчивъ и внимателенъ къ каждой вещи. Онъ былъ въ это время въ какомъ то поэтическомъ настроеніи духа. Заговорилъ неожиданно о Пушкинѣ, о Гоголѣ, съ восторгомъ относился о Байронѣ, о Гете, о Шекспирѣ и другихъ знаменитыхъ поэтахъ, такъ что Николай Ивановичъ только разинулъ ротъ. Онъ знакомъ былъ тогда отчасти только съ русскими писателями, и то не всеѣми, даже мало читалъ Пушкина, а изъ иностранныхъ писателей читалъ только кое что отрывками. Петровъ болѣе всего восхищался Шекспиромъ, между тѣмъ какъ Николай Ивановичъ, точно на грѣхъ, его и не читывалъ, а зналъ только его по одной наслышкѣ.

— Вотъ у насъ Гоголь тоже, кажется, знаменитый писатель, замѣтилъ Николай Ивановичъ, который читалъ Гоголя больше другихъ писателей, и только что прочиталъ тогда «Мертвыя

души; уже вѣрнѣе его, кажется, характеры изобразить трудно. Чѣмъ же Шекспиръ лучше его писалъ? развѣ, можетъ быть, только красивѣе его выражался.

Петровъ слегка улыбнулся.—Оба они хороши, только одинъ другого глубже-съ, проговорилъ онъ. Одинъ описывалъ морскую глубину на столько, на сколько ее видно глазами, а другой описалъ все море до самаго дна, со всѣми его пучинами-съ, прибавилъ Петровъ метафорически. Гоголь только народный писатель, а тотъ мировой-съ... Гоголь, какъ видно, былъ человѣкъ наблюдательный: онъ, какъ художникъ, хорошо описывалъ характеры извѣстныхъ людей, по вѣшнимъ ихъ дѣйствіямъ, а Шекспиръ изобразилъ человѣка вполне, со всѣми его страстями, объяснилъ, какъ эти страсти въ немъ работаютъ и какому темпераменту наиболее свойственны. Читая Гоголя, дѣлаются понятны Ноздревы, Плюшкины, Коробочки... а, изучая Шекспира, сдѣлается понятнымъ каждый человѣкъ. Тутъ поймешь и Нерона, и Атиллу, и Иоанна Грознаго... поймешь также и Рогулькина и Мусоллина, добавилъ Петровъ съ какою-то горькою улыбкою, стараясь превратить свой разговоръ въ шутку. Онъ говорилъ весьма медленно и отрывочно, но говорилъ съ видимымъ увлеченіемъ. Николай Ивановичъ какъ будто остолбенѣлъ. Онъ не могъ себѣ вообразить, что бы Петровъ былъ именно такимъ человѣкомъ, какимъ онъ представился ему теперь.—«Вотъ и узнай тутъ человѣка по его дѣйствіямъ», подумалъ онъ про себя: «Вѣдь въ добрую пору ровно бы и говорить не умѣеть, да и вниманія, кажется, ни на что не обращаетъ, а вонъ онъ каковъ!»

— Должно быть, Шекспиръ былъ большой психологъ? замѣтилъ Николай Ивановичъ нѣсколько ученымъ тономъ.

— Не знаю-съ, отвѣтилъ Петровъ отрывисто:—я вѣдь очень глупъ-съ, училъ какъ психологію, да не понялъ-съ, и потому людей понимаю уже не по науцѣ, и не умомъ, а сердцемъ-съ.

Николай Ивановичъ немножко сконфузился. Онъ прежде и самъ былъ этого же мнѣнія, но всетаки полагалъ, что однимъ сердечнымъ сознаніемъ нельзя съ достовѣрностію рѣшать никакихъ вопросовъ, что надобно стараться доказывать все наукою и философскими разсужденіями, основанными на здоровой логикѣ.

— Вѣдь сердце можетъ и ошибаться, возразилъ Николай Ивановичъ, сердцу во всемъ довѣрять нельзя.

— И умъ также можетъ ошибаться, и уму во всемъ довѣряться нельзя, отвѣтилъ Петровъ.

— Умъ никогда не ошибается, когда дѣйствуетъ въ предѣлахъ достовѣрныхъ знаній, но когда переступить за этотъ предѣлъ, то дѣйствительно иногда начинаетъ путаться. Но вѣдь Богъ знаетъ, умъ ли тутъ виноватъ, а не то ли же сердце, которое, можетъ быть, уже умомъ то овладѣло?

— Не знаю-съ; но я болѣе довѣряю сердцу-съ.
— Почему же это? спросилъ Николай Ивановичъ.
— По той причинѣ, что простѣе-съ, отвѣтилъ Петровъ; для ума требуются доказательства, а для сердца никакихъ-съ, оно понимаетъ предметы просто, безъ доказательствъ. А въдъ ни художественной красоты, ни нравственнаго наслажденія, ни душевнаго восторга, умомъ объяснить нельзя: это какъ то чувствуется, а не понимается.

— Вотъ потому то сердечнымъ ощущеніямъ и нельзя слѣпо довѣрять, подхватилъ Николай Ивановичъ, по крайней мѣрѣ нельзя безусловно слѣдовать сердечнымъ побужденіямъ, потому что онѣ вытекаютъ не изъ разумнаго источника, а изъ одного только животнаго инстинкта. Сердце судить о предметахъ только по личному впечатлѣнію; върше оно не судить, а только ощущаетъ впечатлѣніе, и, судя по этому впечатлѣнію, влечется къ предмету или старается отъ него отдалиться. Но върно это влеченіе или ошибочно, даже таковъ ли, въ сущности, предметъ, какимъ онъ представился по впечатлѣнію, сердце этого объяснить не можетъ. Въдъ изъ сердца истекаетъ и любовь, и злоба: оно одинаково влечется къ тому и къ другому, слѣдовательно въ немъ заключается добро и зло правда и ложь; по этому случаю, убѣжденія, внушенныя однимъ сердцемъ, могутъ быть правдивы только случайно. Если вникнуть въ историческія событія, то можно убѣдиться, что всѣ мерзости, всѣ злодѣянія на землѣ совершались и совершаются по влеченію одного сердца.

— И умъ не меньше сдѣлать злодѣяній, перебилъ его Петровъ.

— Когда человѣкъ подчинится влеченію своего сердца, возразилъ Николай Ивановичъ,—и сдѣлаетъ его орудіемъ своихъ страстей. Не знаю, какъ вы, продолжалъ Николай Ивановичъ, но я сердечнымъ впечатлѣніямъ не довѣряю, потому что, въ противномъ случаѣ, и не замѣтишь, какъ сдѣлаешься въ глазахъ другихъ смѣшнымъ, даже неприятнымъ, а можетъ быть и вреднымъ человѣкомъ, вѣрующимъ только въ себя самого и въ свои личные впечатлѣнія. Сердце, по моему мнѣнію, самый плохой и ненадежный руководитель въ жизни, потому что тотъ, кто подчиняется безконтрольно своимъ сердечнымъ впечатлѣніямъ, никогда уже не можетъ сознать своего заблужденія. Такіе люди обыкновенно считаютъ себя справедливейше всего окружающаго ихъ міра.

Тутъ Николай Ивановичъ невольно припомнилъ свою мать.
— Но всетаки художественная то красота скорѣе затрогиваетъ сердце, а не умъ, замѣтилъ Петровъ, всетаки красоту эту болѣе чувствуешь, чѣмъ понимаешь.

— Это върно, возразилъ Бобровъ, но върно также и то, что каждый человѣкъ чувствуетъ различно, т. е. одинъ и тотъ же предметъ на различныхъ людей производитъ различное впе-

чатлѣніе; между тѣмъ какъ дознанныя научныя истины признаются всѣми одинаково. Никто, напримѣръ, не станетъ уже спорить, что дважды два не четыре, никто изъ знающихъ математику не станетъ увѣрять, что солнце менѣе земли, хотя чувства и говорятъ противное. Личное ощущеніе, по моему мнѣнію, не болѣе, какъ неосмысленный, единичный фактъ, но фактъ, подлежащій еще разумному разсмотрѣнію, потому что онъ справедливъ только относительно того лица, которое ощутило впечатлѣніе; въ абсолютномъ же смыслѣ можетъ быть и несправедливъ. Кто смотритъ въ зеленые очки, тому вся природа представляется зеленоватою. Въ отношеніи къ человѣку съ зелеными очками, фактъ этотъ неоспоримо вѣренъ; но всетаки настоящій цвѣтъ природы не таковъ. Тоже можно сказать и о художествѣ. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, художественное пониманіе, внушенное только личнымъ чувствомъ, есть уже міровая правда? Неужели эта правда заключается только въ личномъ инстинктивномъ вкусѣ, и не имѣетъ для себя общихъ законовъ, доступныхъ для изученія? А чему есть законы, что подлежитъ изученію, то есть уже дѣло разума, а не сердца, что вы тутъ ни говорите. Вы говорите, что и разумъ можетъ ошибаться: это неправда. Въ ошибкахъ разумъ не участвуетъ; онъ доказываетъ уже недостатокъ здраваго ума и разсудка. По этому случаю, ошибочныя дѣйствія вообще называются или безразсудствомъ, или безуміемъ. Дѣло разума отыскать ошибку, потому что онъ можетъ отличить ложь отъ правды, между тѣмъ какъ сердце различаетъ одни впечатлѣнія, не сознавая въ нихъ никакой ошибки.

Петровъ немножко призадумался.

— Счастливымъ вы человѣкъ-съ, проговорилъ онъ въ задумчивости, — я передъ вами очень глупъ-съ, по той причинѣ, что довѣрялъ больше сердцу, а не разуму.

Николай Ивановичъ чрезвычайно сконфузился. Онъ подумалъ, что слова его Петровъ принялъ на свой счетъ.

«Прорвался, пѣсь ее возьми, съ разумомъ то своимъ, подумалъ онъ просебя, — тактики то никакой не знаю, непрактиченъ болно, да, по правдѣ сказать, и слабъ въ разсужденіяхъ то своихъ. Многому еще надобно учиться.»

Хотя Николай Ивановичъ чрезвычайно любилъ разсуждать при каждомъ удобномъ случаѣ, но всетаки мало давалъ значенія своимъ разсужденіямъ, потому что мысль, которую онъ старался выразить, въ понятіяхъ его была несравненно яснѣе и опредѣлительнѣе, нежели какъ она выражалась у него въ словѣ. Притомъ же разсуждать съ образованными людьми, онъ признавалъ себя вовсе уже неспособнымъ, потому что въ отношеніи къ нимъ считалъ себя за совершеннаго невѣжду. Если онъ пустился въ разсужденія съ Петровымъ, то потому что привыкъ уже его считать за весьма обыкновеннаго человѣка, своего брата, съ которымъ можно разсуждать, не стѣняясь. Толь-

ко въ настоящія минуты онъ увидѣлъ, что Петровъ долженъ быть весьма умный человѣкъ, съ которымъ едва ли уже не полезно будетъ замолчать.

«Разсуждать то, пѣсь ее возьми, съ умными то людьми не умѣю», продолжалъ думать просебя Николай Ивановичъ, — «длиновато, да шероховато, кажется, все выходитъ. Вонъ онъ какой въ словахъ то осторожный! Такъ замолчу же и я, если онъ самъ не станетъ говорить, только, кажется, нужно предъ нимъ извиниться.»

— Извините меня, если я васъ оскорбилъ своими разсужденіями, произнесъ онъ совершенно инымъ уже тономъ: я говорилъ это вовсе не на вашъ счетъ, да вы совершенно и не подходите подъ категорію тѣхъ людей, которыхъ я поставилъ въ примѣръ.

— Сдѣлайте милость продолжайте-сь! перебилъ его Петровъ съ чувствомъ. Мы вѣдь не споримъ, а разсуждаемъ-сь. Я только спорить не люблю, а разсуждать очень люблю-сь.

— Да какъ же споръ отъ разсужденій то отличить? полюбопытствовалъ Николай Ивановичъ.

— Споръ съ обѣихъ сторонъ продолжается безъ всякихъ доказательствъ, пояснилъ Петровъ, — или ни та, ни другая сторона доказательствъ этихъ не выслушиваетъ, а только говорить свое, а я ваши доказательства слушаю-сь удовольствіемъ-сь.

— Вотъ это именно и доказываетъ, подхватилъ Николай Ивановичъ, приободраясь, что вы не просто только сердечный человѣкъ, какимъ вы себя выдаете, но въ то же время и человѣкъ разсуждающій, сердце то, значить, находится у васъ подъ руководствомъ разсудка, присовокупилъ онъ въ видахъ вѣжливости. Простосердечные люди именно такіе и есть, которые только спорять, всему противорѣчать, все бездоказательно отрицаютъ и порицаютъ, и почти никогда не сходятся между собою въ мнѣніяхъ, а каждый упорно остается при своемъ безконтрольномъ убѣжденіи. Если гдѣ происходитъ азартный крикъ, то можно уже сказать навѣрное, что тутъ, значить, бесѣдуютъ между собою такъ называемые сердечные люди. Это, по моему мнѣнію, самая вѣрная примѣта, по которой можно узнавать сердечныхъ людей.

«Какъ бы опять не проговориться», спохватился вдругъ Николай Ивановичъ, и замолчалъ.

— Вамъ скучно со мною-сь, заговорилъ въ свою очередь Петровъ, послѣ нѣкоторой паузы.

— Напротивъ, мнѣ очень пріятно, отвѣтилъ Николай Ивановичъ не съ большою уже охотою, потому что терпѣть не могъ подобныхъ вѣжливостей.

— Но вы перестали говорить-сь, замѣтилъ Петровъ.

— Я и то уже очень много говорилъ, надоѣтъ, я думаю, вамъ, присовокупилъ онъ въ видахъ новой вѣжливости.

«Чортъ знаетъ, что теперь и говорить то, подумаль онъ про-себя; извиняться что ли опять надобно?»

— Помилуйте, я очень радъ! вы меня оживили! произнесъ Петровъ съ чувствомъ, крѣпко сжимая у Боброва руку: поговорите еще немножко, если можете.

— Да я не знаю уже про что и говорить то—израсходовался, отозвался уклончиво Николай Ивановичъ.

— Про художество то мы еще съ вами не кончили, поспѣшилъ напомнить Петровъ, стараясь, въ свою очередь, всячески поддержать нить прѣжняго разговора.

— Вы вотъ доказываете, что вездѣ дѣйствуетъ одинъ только умъ, да наука, можетъ быть это и правда; но растолкуйте мнѣ пожалуйста: какъ музыку то Бетховена или Моцарта умомъ то разобрать?! чѣмъ докажешь и объяснишь небесную красоту рафаэлевской Мадонны?! произнесъ Петровъ съ воодушевленіемъ. Слушая одно и разсматривая другое, вѣдь умъ тутъ вовсе замираетъ, а на мѣсто его бодрствуетъ какая то другая сила, которая способна понимать одно только святое, да небесное, обойдя всякую логику, потому что въ минуты подобнаго восторга человѣкъ дѣлается неспособенъ ни къ какимъ разсужденіямъ о земныхъ предметахъ. Наслаждаясь поэтически художественнымъ произведеніемъ, тутъ какъ будто соприкасаешься съ небомъ, гдѣ разумъ человѣческій оказывается вовсе уже непригоднымъ. Куда тутъ съ нимъ сунешься, что имъ разъяснишь?—помилуйте! произнесъ Петровъ съ насмѣшливою улыбкою.

—Послѣднія слова Петровъ сказалъ съ нѣкоторымъ расчетомъ, для того, что бы возбудить этимъ въ Бобровѣ большую энергію.

«Это уже онъ заѣхалъ немножко на мой счетъ, подумаль просебя Николай Ивановичъ. И прекрасно: значить, можно съ нимъ разсуждати, не стѣсняясь. Только вотъ Бетховеновъ то, да Моцартовы этихъ, пѣсь ихъ возми, не знаю... какъ бы въ чемъ не провраться!.. Впрочемъ, буду объ этомъ говорить такъ, какъ понимаю»

— Вы любуетесь и восхищаетесь тутъ цѣльнымъ уже художественнымъ созданіемъ, возразилъ Николай Ивановичъ съ такимъ же воодушевленіемъ, не разбирая того, что это созданіе есть дѣло великаго ума; но вникните хорошенько, такъ и увидите, что тутъ не столько поражаетъ васъ художественное выполненіе отдѣльных частей, сколько разумное ихъ сочетаніе. Та же самая художественная отдѣлка частей, но иначе сгруппированная, подѣйствуетъ на васъ совсѣмъ иначе. Вѣдь самая сильная ораторская рѣчь и самое пустое фразерство выражаются одними и тѣми же словами, различіе состоитъ только въ ихъ сочетаніи, въ разстановкѣ. Такъ точно и художественное произведеніе: оно тоже состоитъ изъ своего рода элементовъ, которыми великіе художники орудуютъ, какъ сырымъ

материаломъ, группируя ихъ такъ, что бы они, въ общей ихъ совокупности, производили на зрителя или на слушателя именно то впечатлѣніе, какое соотвѣтствуетъ обдуманной художникомъ идее. Конечно, зритель или слушатель сознаетъ художественную красоту болѣе инстинктивно, чѣмъ разумно, но вѣдь надобно уметь для того, что бы возбудить въ человѣкѣ эти именно инстинкты. Забудьте, что всякое искусство, напр. живопись, музыка и т. п., основано на строгихъ размѣрахъ, а также на силѣ звука, красокъ и проч., и все это, въ общей совокупности, основано на строго обдуманной мысли, которую художникъ желаетъ выразить въ дѣльномъ произведеніи. Умъ человѣческой породы и создалъ все эти размѣры, все отбѣнки силы звука или цвѣта, служащія для выраженія той или другой мысли, и можетъ изложить эти главные основанія въ систематической формѣ науки, доступной для изученія, точно такъ же, какъ излагаетъ онъ и всякіе другіе законы природы. Потому то великое художественное созданіе и дѣйствуетъ на насъ такъ обаятельно, что въ немъ строго согласованы все элементы, служащія выраженіемъ извѣстной мысли, и соблюдены все художественные законы.

— Я не знаю никакихъ художественныхъ законовъ, никакихъ размѣровъ, о которыхъ вы упоминаете, возразилъ Петровъ; но всетаки могу отличить хорошее художественное произведеніе отъ дурнаго. Что вы говорите, а художественная красота какъ то понимается безъ науки.

— Вы то не знаете никакихъ законовъ, но художникъ то ихъ знаетъ, перебилъ Бобровъ. Вѣдь главная сущность заключается не въ томъ, какимъ образомъ сознать художественную красоту, когда она уже дѣйствуетъ на чувства, а въ томъ, какъ ее осуществить. Впрочемъ, если вы действительно не знаете художественныхъ законовъ, то въ сужденіяхъ своихъ объ этомъ предметѣ легко можете и ошибиться. Въ сущности, вы, значить, оцѣниваете тутъ не искусство, а только свое личное впечатлѣніе, потому что вы называете хорошимъ только то, что вамъ лично нравится; но вѣрно ли это въ абсолютномъ смыслѣ—доказать этого не можете. Художникъ непременно это докажетъ, потому что художественная красота для мастера не составляетъ никакой тайны.

— Едва ли это вѣрно, возразилъ Петровъ.

— Великія художественныя произведенія создаются не просто. Самъ художникъ часто не можетъ повторить того, что онъ создалъ въ минуты вдохновенія.

— Это не значитъ ничего. Вѣдь и вы не можете буквально повторить того, что, напр., сказали сегодня; изъ этого, однако же, не слѣдуетъ заключать, что выраженіе мысли въ словѣ не имѣетъ для себя общихъ законовъ. Произведенія человеческого ума вообще, въ чемъ бы они ни выражались, почти никогда буквально не повторяются, а между тѣмъ для всякаго

дѣла существуютъ общіе законы; все имѣетъ свой идеаль и свою цѣль. Говоря о художествѣ, я понимаю его такъ, что оно непременно должно выражать какую бы то ни было жизненную правду, а для этого одного инстинктивнаго или художественнаго чувства недостаточно, но непременно нужны тутъ и умственные соображенія, потому что умъ можетъ провѣрить художественную идею, независимо отъ личнаго впечатлѣнія, въ томъ отношеніи, что сообразна ли она съ жизненною правдою. А въ этомъ и состоитъ главное достоинство, главная красота художественнаго произведенія.

— Что вы подразумеваете подъ именемъ жизненной правды? спросилъ Петровъ съ видимымъ любопытствомъ.

— Все то, чего требуетъ жизнь, что служить къ правильному развитію духовной стороны человѣка. Въ дѣйствіяхъ человѣческихъ я не допускаю никакого инстинктивнаго произвола. Дѣятельность его, въ чемъ бы она ни проявлялась, непременно должна быть направлена къ общей разумной цѣли, сообразной съ мировымъ порядкомъ вещей природы. Безконтрольнымъ произволомъ достигнуть этого нельзя, потому что онъ не ведетъ ни къ какой опредѣленной цѣли. Относительно художества, я называю жизненною правдою ту самую цѣль, къ которой художество должно стремиться, или ту роль, которую оно должно играть въ нравственномъ мірѣ, такъ что бы оно развивало въ человѣкѣ только тѣ инстинкты, которые ведутъ его къ жизненному благополучію.

— Понять то это очень трудно, а выполнить еще труднѣе, замѣтилъ Петровъ.

— Это трудно потому, что, во первыхъ, я плохо объясняюсь, а во вторыхъ я высказалъ это только въ общихъ чертахъ; но художникъ выполнить это во всей подробности.

— Уже вы очень высоко художниковъ то ставите-сь, возразилъ Петровъ,—они этого не стоятъ-сь.

— Почему же не стоятъ? спросилъ Николай Ивановичъ съ видимымъ изумленіемъ; вѣдь вы сами же отзываетесь объ нихъ съ восторгомъ?

— О комъ-сь?

— Да вотъ о художникахъ, напр. о Рафаэлѣ, о Моцартѣ, о Шекспирѣ; вѣдь каждый изъ нихъ въ своемъ родѣ художникъ?

Петровъ слегка улыбнулся.

— Это не просто только художники, но съ тѣмъ вмѣстѣ и поэты, пояснилъ Петровъ, а художникъ можетъ быть и не поэтъ.

— Да поэтъ что же такое? спросилъ въ недоумѣніи Николай Ивановичъ. Вѣдь онъ, мнѣ кажется, не то, что ученый человѣкъ, который занимается науками, и который всякую истину доказываетъ научнымъ образомъ.

— Не то-сь, отвѣтилъ Петровъ положительно:—поэтъ соз-

наеть истинный смыслъ каждаго явленія безъ научныхъ доказательствъ, и разсматриваетъ по преимуществу только тѣ жизненные явленія, которыя имѣютъ вліяніе на развитіе и усовершенствованіе человѣческаго духа. Ученый человѣкъ излагаетъ міровыя истины въ научной формѣ, а поэтъ въ художественной, потому что стремленіе и дѣятельность человѣческаго духа въ научную форму уже не укладываются. Наука не есть что нибудь высшее надъ духомъ: она есть не болѣе, какъ только его собственное произведеніе, которое онъ создалъ для своего орудія. Слѣдовательно, этимъ орудіемъ нельзя уже обратно анализировать того, кому оно обязано своимъ происхожденіемъ. Поэтъ же въ своихъ произведеніяхъ именно и выражаетъ живую дѣятельность человѣческаго духа, потому его дѣйствія и не могутъ строго подчиняться научному контролю. Поэтъ великое дѣло-сь! присовокупилъ Петровъ съ увлеченіемъ; это ужъ не то, что художникъ-сь!

Николай Ивановичъ немножко призадумался. «Вотъ этого я до сихъ поръ хорошенъко не понималъ», проговорилъ онъ мысленно,—да и онъ, можетъ быть, уяснилъ себѣ это только при настоящемъ разговорѣ; вѣдь правильный разговоръ наводитъ иногда на такія мысли, о которыхъ и самъ прежде не зналъ.

— Что же вы не возражаете-сь? проговорилъ Петровъ съ улыбкою.

— Я совершенно съ вами согласенъ, поспѣшилъ отвѣтить Николай Ивановичъ; только не могу, вотъ, поэта то отличить отъ художника. Поэтъ значить тотъ же художникъ?

— Художникъ, да не тотъ-сь, отвѣтилъ Петровъ положительно. Поэтъ имѣеть дѣло съ потребностію человѣческаго духа; у него художественная то сторона служить одною только форменною оболочкою, однимъ средствомъ для выраженія какой нибудь глубокой истины, а для простаго художника она составляетъ уже сущность: онъ дальше этого уже нейдетъ-сь, и потому часто завирается-сь. Простые художники, а особенно художники-писатели, большею частію бываютъ самые пустые и фальшивые люди, шарлатаны, я ихъ не люблю-сь.

— Какъ же различить то ихъ отъ настоящихъ поэтовъ? полюбилъ-сь Николай Ивановичъ; вѣдь форма то выраженія, значить, у того и у другаго одинакова, по крайней мѣрѣ сходна—тотъ и другой художникъ. А вѣдь, я думаю, хорошій то художникъ тоже говорить правду, иначе какой же онъ будетъ художникъ?

— Прежде всего надобно вамъ замѣтить, что настоящихъ то художниковъ очень мало-сь, а большая часть изъ нихъ только пустые болтуны, фантазеры, совершенно непонимающіе того художественнаго назначенія въ жизни, какъ вы его изобразили. Да и порядочные то художники, по моему мнѣнію,

не значать ничего, если они не болѣе, какъ только художники. Положимъ, что они выражаютъ иногда и правду, но правду художественную, а не мировую, или не жизненную, какъ вы сами выражаетесь, а одна художественная правда не значить ничего. Вѣдь и развратъ—правда; но что же, если художникъ будетъ изображать его въ формѣ привлекательной красоты? а художникъ сдѣлать это можетъ, потому что имѣетъ на это художественную способность. Притомъ же простой художникъ можетъ вѣрно изобразить и описать только то, что онъ самъ видѣлъ или ощущалъ; но что, однако же, существуетъ въ нравственномъ мѣрѣ, вѣрно изобразить не можетъ, потому что не понимаетъ законовъ дѣйствія жизненныхъ силъ природы, точно такъ же, какъ простой техникъ можетъ устроить съ образца всякую машину; но создать новую машину не можетъ. Простые художники, большею частію, бываютъ люди необразованные, и потому имѣютъ иногда самое извращенное понятіе о жизни. Поэтому произведенія иныхъ художниковъ скорѣе служатъ къ извращенію вкуса и нравственности, нежели къ ихъ развитію.

— Но мы говорили не о такихъ художникахъ, замѣтилъ Бобровъ, но о художникахъ болѣе или менѣе усовершенствованныхъ въ своемъ родѣ. Этихъ то художниковъ какъ отличить отъ поэтовъ, судя по ихъ произведеніямъ?

— Между тѣмъ и другимъ различіе огромное! воскликнулъ Петровъ съ видимымъ увлеченіемъ.—У художника-писателя видно только, какъ выведенныя имъ личности живутъ и дѣйствуютъ, а у поэта видно, что онѣ и чувствуютъ, и почему дѣйствуютъ такъ, а не иначе. Художникъ хорошо и вѣрно изображаетъ всякое проявленіе жизни, а поэтъ главнымъ образомъ разъясняетъ сущность явленія и ту жизненную силу, которая тутъ дѣйствовала. Художникъ выражаетъ только жизненную случайность, а поэтъ мировую правду. У Шекспира не столько видны живые люди, сколько видны ихъ дѣйствующія страсти. У него нѣкоторые явленія не сообразны даже съ дѣйствительностію, а сущности то всетаки это не вредить. У него, напр., дѣйствуютъ и привидѣнія, и вѣдьмы; за всѣмъ тѣмъ, чувствуется тутъ какая то мировая правда. Для уясненія этой правды у поэта сдѣлались пригодными и привидѣнія, и вѣдьмы. Черезъ это онъ наглядно изобразилъ внутреннее состояніе человѣческаго духа, борьбу его съ господствующими страстями. Художникъ этого не сумѣетъ. У него всякій вымыселъ такъ и остается вымысломъ, потому что онъ большею частію ни къ чему не идетъ и ничего не объясняетъ. Художникъ напр. тоже старается описывать природу, и описываетъ иногда довольно хорошо и вѣрно, только большею частію безъ всякой надобности. Но поэтъ описываетъ ее только тамъ, гдѣ нужно, и описываетъ уже такъ, что, во первыхъ, понятно дѣлается самое впечатлѣніе, какое эта природа производитъ на человѣка, а во-

вторыхъ.—какое имѣеть вліяніе на данный жизненный случай, или на темпераментъ дѣйствующаго лица. Безъ этой цѣли онъ не пустится ни въ какія описанія, для одной прикрасы, не скажетъ ни одного слова... У художника всѣ эти прикрасы такъ и остаются прикрасами, а у поэта онѣ связываются съ сущностію идеи, уясняютъ ея значеніе... Какъ не отличить поэта—помилуйте-съ! воскликнуть Петровъ съ видимымъ увлеченіемъ.

Во время этого разговора, онъ до того воодушевился, что почти незамѣтно въ немъ стало признаковъ опьяненія.

Говорилъ онъ довольно уже твердо и развязно, только часто углублялся въ самого себя, и какъ будто припоминалъ прошедшее.

Николай Ивановичъ, въ свою очередь, не могъ надивиться тому, что въ сужденіяхъ Петрова чрезвычайно много было общаго съ его личнымъ взглядомъ. Разница была только въ томъ, что Бобровъ ученаго человѣка понималъ точно такъ же, какъ Петровъ понималъ поэта, и потому нѣкоторые вопросы онъ задавалъ ему только изъ одного любопытства, что такъ ли онъ разъяснитъ ихъ, какъ онъ понимаетъ ихъ самъ. Оказывалось, что такъ. За всѣмъ тѣмъ, слушая сужденія Петрова, и дѣлая ему возраженій, Николай Ивановичъ уяснилъ себѣ много новыхъ понятій, которыя до тѣхъ поръ блуждали у него въ головѣ безъ всякой связи.

Въ заключеніе всего, Николай Ивановичъ поинтересовался было узнать отъ Петрова, гдѣ онъ получилъ образованіе, но Петровъ не далъ ему на это никакого удовлетворительнаго отвѣта, даже какъ будто бы на это обидѣлся.

— Я васъ объ этомъ не спрашиваю-съ, стало быть и вы меня не спрашивайте,—отвѣтилъ Петровъ.

Николай Ивановичъ сейчасъ же догадался, что Петровъ долженъ быть самоучка.

«Непремѣнно самоучка, подумалъ просебя Николай Ивановичъ, иначе не пустился бы со мною въ такія разсужденія. «Образованные то люди, я думаю, о такихъ пустякахъ и не разсуждаютъ; да съ образованнымъ то человѣкомъ мнѣ бы и не сговорить, заперъ бы въ два слова! Не даромъ у меня съ нимъ коекакъ еще говорилось! не даромъ онъ довольствовался моими отвѣтами, которые, самъ уже теперь вижу, были чрезвычайно слабы и неясны. Выходитъ, что мы съ нимъ одного поля ягода. Съ простыми то людьми еще коекакъ плетется, а до ученыхъ то людей видно далеко». И Николай Ивановичъ глубоко вздохнулъ.

Въ послѣдствіи времени, Бобровъ дѣйствительно узналъ, что Петровъ былъ изъ неученыхъ людей, и только по какому то особенному ходатайству и случаю былъ принятъ по экзамену въ младшіе землемѣрные помощники въ межевую канцелярію, откуда переведенъ въ уѣздные землемѣры. Товарищи его то-

ворили, что онъ будто бы переведенъ за неспособность, потому что мало образованъ.

«Хотя и самоучка, но всетаки человекъ замѣчательный, разсуждалъ дорогою Николай Ивановичъ, отправляясь отъ Петрова на свою квартиру. «Его здѣсь, кажется, не понимаютъ. Не отъ того ли онъ и растерялся, что его, можетъ быть, убилъ общественная среда, въ которую втиснули его обстоятельства? Со временемъ я это отъ него разузнаю.»

По приходѣ на свою квартиру, Николай Ивановичъ привелъ себѣ на память весь разговоръ съ Петровымъ, и принялся было записывать его въ свою тетрадь, но сейчасъ же замѣтилъ, что въ запискѣ стало у него выходить лучше и яснѣе, чѣмъ въ самомъ дѣлѣ было на словахъ.

— Записывать то это не стоитъ, проговорилъ Николай Ивановичъ, отбрасывая тетрадь. Такія то вещи должны быть у каждаго въ головѣ безъ записи. Нужно записывать что нибудь подѣльнѣе. Вотъ жизнь то человѣческую надобно хорошенько разгадать: она что значить? Шекспиръ то, какъ видно, понималъ только одни законы человѣческихъ страстей, и разобралъ ихъ дѣйствія, сообразно той или другой жизненной обстановкѣ, но вѣдь этого недостаточно. Надобно узнать и уяснить себѣ главную цѣль жизни и законы дѣйствія человѣческаго духа, который видимо надъ страстями господствуетъ, и можетъ дѣйствовать иногда наперекоръ личному чувственному желанію. Хотя онъ отчасти тоже подчиняется вліянію природы, но подчиняется уже совершенно иначе, нежели ея собственныя созданія. Онъ скорѣе согласуется съ законами окружающей его природы, какъ разумный и самостоятельный дѣятель, нежели подчиняется ей, какъ рабъ; по крайней мѣрѣ въ великихъ людяхъ этого рабства мы не замѣчаемъ. Дѣйствіе человѣческаго духа проявляется въ великихъ людяхъ почти одинаково, изъ какой бы среды эти люди ни явились, въ какой бы странѣ ни родились, какому бы вѣку ни принадлежали. Александръ Македонскій и Наполеонъ, Архимедъ и Ньютонъ дѣйствовали какъ будто родные братья. Значить духъ человѣческій мало зависитъ и отъ времени, и отъ мѣста, а зависитъ только отъ самого себя. Во всякомъ случаѣ, если есть непреложныя истины въ наукахъ, если есть истины въ законахъ природы, то непременно должны быть истины и для человѣческой жизни. Вотъ до этихъ то истинъ нужно добиваться, ихъ и нужно уяснить себѣ научнымъ образомъ.

Между тѣмъ, Николай Ивановичъ получилъ изъ дома извѣстіе о прибавленіи своего семейства: Катеньба родила дочь. Получивъ это извѣстіе, Николай Ивановичъ невольно улыбнулся.

«Отцемъ сдѣлался... просто смѣхъ», подумалъ онъ просебя.

Катерина Николаевна писала ему самыя утѣшительныя письма, увѣряла, что они живутъ благополучно, почти ни въ чемъ

не нуждаются. Хотя Николай Ивановичъ не вполне довѣрялъ домашнему благополучію, но всетаки подобныя письма приносили ему большую отраду. «Только объ тебѣ больно забочусь», писала между прочимъ Катерина Николаевна; — «безъ тебя, батюшка, больно скучно. Тѣмъ только и утѣшаюсь, что молюсь за твое здоровье: какъ помолюсь за тебя, такъ точно съ тобою поговорю. И ты, батюшка, Бога то не забывай, такъ и Онъ тебя не забудетъ.»

Николай Ивановичъ въ свою очередь извѣстилъ свою жену, что и его дѣла идутъ хорошо, что онъ надѣется скоро уже получить должность землемѣра. Однажды, впрочемъ, въ грустныя минуты, Николай Ивановичъ написалъ своей женѣ, что ему тоже становится скучно, что онъ тяготеетъ жизненными неудачами и проч.

«Не унывай, другъ мой, отвѣчала на это Катерина Николаевна; я женщина, слабѣ тебя, и то не унываю, а молюсь Богу и Онъ мнѣ въ этомъ помогаетъ. Притомъ же уныніемъ, да малодушіемъ, нисколько дѣла не поправишь, а только испортишь его. Тебѣ, дружочекъ, стыдно унывать, ты мужчина и притомъ считаешься умнымъ человѣкомъ. Въ чемъ же умъ твой выкажется, если ты горя то жизненнаго не перенесешь. Вѣдь въ счастіи то хорошо живутъ и глупые люди. Какъ же различить то умнаго отъ глупаго, если тотъ и другой будутъ одинаково упадать духомъ во время жизненныхъ неудачъ?..» Эти и другія подобныя слова, выраженные отъ простоты искренняго сердца, до того подѣйствовали на Николая Ивановича, что ему дѣйствительно сдѣлалось стыдно своего собственнаго малодушія.

«Что ни говори, а для практической то жизни она оказывается несравненно меня умнѣе», разсуждалъ Николай Ивановичъ на счетъ своей Кати. «Гдѣ только она выучилась разсуждать то такимъ образомъ? Вѣдь, кажется, ничему и не училась, можно сказать, самоучка, а смотри какая сила въ словахъ то.»

Николай Ивановичъ, въ сущности, и самъ былъ самоучка, но почему то считалъ себя образованнымъ человѣкомъ, и чрезвычайно всегда удивлялся уму русскихъ самоучекъ, какимъ образомъ они понимаютъ почти столько же, сколько и онъ самъ, между тѣмъ какъ онъ человѣкъ ученый?

«Мало мы знакомы съ русскими то самоучками», разсуждалъ Николай Ивановичъ, въ одной изъ своихъ записокъ, относящихся къ описываемому времени, воображая себя государственнаго человѣкомъ, кончившимъ курсъ наукъ въ высшемъ учебномъ заведеніи, «не даемъ имъ никакого хода, отъ этого настоящей то своей силы и не знаемъ, а ищемъ ее за границею. Ну, иностранцы то, я думаю, этому и рады, на помочахъ насъ дураковъ и водятъ, а мы себѣ воображаемъ, что и Богъ знаетъ какіе умные сдѣлались, что только безсознательно обезъ-

яничаемъ. О томъ, что уже есть, помоему и разсуждать то не стоитъ и учиться то тутъ нечему, а только поглядѣть въ чемъ заключается сущность, и шабашъ! Нужно улучшать да свое придумывать, впередъ идти по своей дорогѣ, а не по чужой, въ ротъ иностранцамъ то не глядѣть, да не дожидаться, что они скажутъ. А мало ли у насъ что новаго придумано? мало ли наши то самоучки что въ головѣ то у себя таскаютъ? да не знаютъ, куда дѣвать то это, потому что ихъ никто не выслушиваетъ, потому что они кажутся намъ угловатыми, да не развязными. Петровъ вотъ тоже самоучка, да понимаетъ предметы тоже не хуже, можетъ быть, ученаго человѣка. А Иванъ Спиринъ, какъ разговорится, такъ почине будетъ и Петрова то, по крайней мѣрѣ разностороннѣе его. А вѣдь ходитъ въ армякѣ, да весь вѣкъ занимается черною работою. Съ умными то людьми ровно бы двухъ словъ связать не умѣютъ, а послѣ то разберутъ каждое ихъ словечко.»

По прошествіи срочнаго времени, которое Петровъ назначилъ себѣ для отдохновенія, онъ дѣйствительно явился было въ чертежную для занятій, но заниматься однако же не могъ. Модные фрачники, смотря на унылую физиономію Петрова, никакъ не могли удержаться отъ смѣха, и даже пустили насчетъ его нѣсколько остротъ.

Петровъ съ грустію посмотрѣлъ на фрачниковъ, и не говоря ни слова, отправился обратно домой.

Узнавъ отъ сторожа, что Петровъ поправился уже въ здоровьѣ, и былъ въ чертежной, Николай Ивановичъ поспѣшилъ посѣтить его.

Петровъ на этотъ разъ былъ чрезвычайно унылъ, и, повидому, не расположенъ былъ ни къ какому разговору. На непокрытомъ столѣ стоялъ у него графинъ съ водкою, небольшая рюмочка и ломоть чернаго хлѣба съ солью. Петровъ подходилъ изрѣдка къ графину, и какъ будто съ отвращеніемъ выщипывалъ по полурюмкѣ.

Николай Ивановичъ начиналъ было съ нимъ кое о чемъ заговаривать, но Петровъ ограничивался самыми отрывочными и неудовлетворительными отвѣтами. Боброву тоже сдѣлалось какъ то неловко и потому онъ рѣшился было идти домой.

— Охъ какъ скучно! заговорилъ вдругъ Петровъ печальнымъ голосомъ.

— Отчего же вы такъ скучаете? спросилъ Николай Ивановичъ.

— Въ гробу живому человѣку какъ не скучать-съ помилуйте... а я вѣдь здѣсь точно въ гробу-съ, жизни то для себя не вижу.

— Да вы какъ то отъ всѣхъ удаляетесь, замѣтилъ Бобровъ въ видахъ участія,—знакомства то, должно быть, у васъ очень мало, такъ вамъ и скучно.

— Съ Мусолннимъ я знакомъ-съ, пояснилъ Петровъ уны-

лымъ тономъ; да и съ нимъ какъ то скучно. А уже для моей компаніи на что бы, кажется, лучше Мусолина?

Николай Ивановичъ усмѣхнулся.

— Вы конечно это шутите, возразилъ онъ,—но я говорю, не шутя, что вы кажется избѣгаете всякаго знакомства, уединяетесь, а вѣдь жить въ уединеніи, безъ сообщества людей, дѣйствительно скучно.

— Очень скучно-съ, подтвердилъ Петровъ съ видимою грустію, а въ сообществѣ съ Мусолинымъ еще бываетъ скучнѣе-съ.

— Да что вы все на Мусолина то ссылаетесь, конечно уже съ Мусолинымъ послѣднее знакомство; да вѣдь не одинъ же Мусолинъ на свѣтѣ то, у васъ много и другихъ товарищей, не всѣ же въ Мусолина уродились.

— Не всѣ-съ, произнесъ отрывисто Петровъ,—по той причинѣ, что они ходятъ во фракахъ, а Мусолинъ въ полушубкѣ-съ, прибавилъ онъ съ видимою пронию.

Николай Ивановичъ съ грустію улыбнулся, подавая видъ, что онъ принимаетъ эти слова въ шутку, между тѣмъ, какъ въ сердцѣ его залегало самое тяжелое чувство. Хотя у него тоже составилось не слишкомъ высокое понятіе о другихъ землемѣрахъ; но онъ желалъ въ этомъ разувѣриться, думалъ, что вліяніе прежней общественной среды, въ которой онъ до сихъ поръ находился, не позволяетъ ему оцѣнить правильно, по вѣшнимъ признакамъ, нравственные достоинства человѣка, что натура его раздражена противъ людей прежнею жизненною обстановкою, что онъ слишкомъ довѣрчиво и можетъ быть несправедливо поддается первому впечатлѣнію, и увеличиваетъ людскіе недостатки, что, наконецъ, самъ Петровъ оказался вовсе не такимъ человѣкомъ, какимъ онъ представляется съ перваго раза и пр. пр., но послѣднія слова Петрова разсѣяли всѣ эти гуманныя и, такъ сказать, утѣшительныя предположенія. Онъ начиналъ чувствовать, что и на поприщѣ службы его ояждать почти такая же среда, изъ которой онъ старался выбиться.

— У васъ, я думаю, много есть знакомыхъ и кромѣ землемѣровъ, снова заговорилъ Николай Ивановичъ, желая какъ можно ближе ознакомиться съ характеромъ Петрова и его взглядами на жизнь.

— Много-съ, отвѣтилъ Петровъ отрывисто.

— Вѣроятно въ томъ числѣ есть и хорошіе люди, съ которыми, я думаю, не скучно провести время.

— Всѣ очень хорошіе-съ, подтвердилъ Петровъ.

Николай Ивановичъ подозрительно посмотрѣлъ на Петрова, желая удостовѣриться въ справедливости его словъ, но серьезное выраженіе его лица ясно доказывало, что онъ говоритъ это съ убѣжденіемъ.

— Такъ, значитъ, всетаки вы отъ (судяи кого нибудь) поспѣваете? любопытствовали Бобровъ.

— Никого-съ, отвѣтилъ Петровъ наотрѣвъ.

— Почему же вы ни съ кѣмъ не хотите быть знакомымъ?

— По той причинѣ, что совѣстно-съ.

Бобровъ посмотрѣлъ на Петрова съ недоумѣніемъ.

— Я не понимаю, почему совѣстно вести знакомство съ хорошими людьми? проговорилъ онъ съ усиливающимся любопытствомъ.

— По той причинѣ, что я то очень плохъ-съ, произнесъ Петровъ съ грустію.

— Ну, это вы говорите совершенно напрасно, выразился Николай Ивановичъ безъ лести. Я не знаю, почему вы считаете себя хуже другихъ?

— По той причинѣ, что я чиновникъ, и притомъ же землемѣръ-съ, отвѣтилъ Петровъ положительно.

— Что же изъ этого, что землемѣръ? вѣдь землемѣръ такой же человѣкъ, должность то землемѣра, мнѣ кажется, не хуже другихъ, да, по моему мнѣнію, равно еще и лучше бы, потому что всѣ землемѣрскія занятія основаны на наукѣ и искусствѣ, тогда какъ многія другія должности основаны на одной форменной перепискѣ бумагъ.

Петровъ неудержимо засмѣялся, такъ что Николай Ивановичъ пришелъ отъ этого въ сильное недоумѣніе. — «На что онъ тутъ смѣется? что смѣшнаго то я сказалъ?» подумалъ онъ про себя.

— Вы уже очень меня разсмѣшили-съ, произнесъ наконецъ Петровъ.

— Да что же я смѣшнаго то сказалъ? спросилъ Николай Ивановичъ.

— Рогоулкинъ, Мусолинъ, Давыдовскій и наука; какъ то это мнѣ смѣшно показалось, извините-съ.

Николай Ивановичъ немножко сконфузился. Онъ и самъ сознавалъ, что между этими личностями и наукою нѣтъ ничего общаго; но всетаки полагалъ, что личности эти не могутъ препятствовать правильному и самостоятельному дѣйствию другихъ землемѣровъ.

— Давыдовскій тутъ не значитъ ничего, потому что онъ человѣкъ посторонній, возразилъ Бобровъ, а Мусолинъ и ему подобныя для другихъ не указъ: тутъ всякій отвѣчаетъ за себя. Вѣдь вы вотъ, вѣроятно, дѣствуете не такъ, какъ Мусолинъ. Онъ, говорятъ, и грамотѣ то худо знаетъ; астролябии не умѣетъ поставить.

— Землемѣры всѣ такъ дѣствуютъ, какъ Мусолинъ, да иначе нельзя и дѣйствовать.

— По крайней мѣрѣ, вы не такъ же дѣствуете, возразилъ Бобровъ.

— Я? я еще хуже-съ, произнесъ Петровъ утвердительно.

«Чудакъ», подумаль просебя Бобровъ «самъ на себя наговариваетъ.»

— Этому я не вѣрю, извините, произнесъ онъ вслухъ.

— Думайте, какъ угодно, только я говорю правду-сь.

Бобровъ въ недоумѣніи посмотрѣлъ на Петрова, и невольно пожалъ плечами.

— Какъ вы сказали, вы сами сознаете, что дѣлаете плохо, а дѣлаете, кто же васъ заставляетъ?

— Служба-сь, подхватилъ Петровъ, подумавши.—Что бы хорошо дѣлать нужно разсуждать, а на службѣ не разсуждаютъ-сь, присовокупилъ онъ въ видѣ поясненія.

— Да вѣдь разсуждать то, кажется, не велятъ только во время разговора съ начальниками, потому что они, какъ видно, слишкомъ раздражительны, а дѣло какъ же можно дѣлать безъ разсужденія? это уже прямо зависитъ отъ самаго исполнителя.

— Я все дѣлаю безъ разсужденія-сь, пояснилъ Петровъ.

— Да вѣдь этакъ Богъ знаетъ что можно надѣлать! произнесъ Бобровъ, усмѣхнувшись.

— Я Богъ знаетъ что и дѣлаю-сь, подтвердилъ Петровъ.

— Однако работою вашею всѣ остаются довольны; вы, говорить, первый работникъ.

— По той причинѣ, что уже очень много вру-сь. Иные врутъ, да что то еще думаютъ, а я уже вру, не думавши, потому меня и хвалятъ-сь.

Николай Ивановичъ разсмѣялся.

— Вы, кажется, все это преувеличиваете, вѣдь врать то, въ самомъ дѣлѣ, никто же васъ не заставляетъ.

— Если бы не заставляли, такъ и не вралъ бы, а то заставляютъ-сь, присовокупилъ Петровъ самымъ жалобнымъ тономъ.

— Да кто же васъ заставляетъ? помилуйте!

— Служба-сь, твердилъ свое Петровъ.

— Я, право, этого не понимаю. Если я не захочу, такъ кто же заставить меня дѣлать неправильно?

— Давыдовскій-сь, отвѣтилъ Петровъ положительно.

— Ну, уже это вы говорите мнѣ въ насмѣшку, выразился Николай Ивановичъ съ нѣкоторою досадою. Давыдовскій вѣдь не начальникъ же въ самомъ дѣлѣ. На нашемъ мѣстѣ я этого Давыдовскаго, право, выгнать бы изъ чертежной.

— Я тоже хотѣлъ выгнать, да силы очень мало, поэтому и рѣшилъ уже дѣлать все, безъ разсужденія, что приговариваютъ, да пить водочку... И Петровъ дѣйствительно выпилъ залпомъ рюмку водки, какъ будто стараясь подавить въ себѣ какое то неприятное внутреннее чувство.

Николай Ивановичъ покушался было продолжать разговоръ на эту же тему, потому что его чрезвычайно интересовали всѣ подробности служебной обстановки и тѣ обычаи, которыми руководствуются землемѣры при исполненіи дѣлъ, но

Петровъ видимо сталъ отъ этого уклоняться. Физиономія его дѣлалась печальна и уныла.

— Напрасно вы меня только растревожили, произнесъ онъ наконецъ съ чувствомъ.— Я человекъ безсильный, и считаю себя отжившимъ уже свой вѣкъ. Дай Богъ вамъ побороть то, что вамъ, можетъ быть, претитъ, а я уже не борецъ, потому что не устоялъ и началъ пить водочку...

Тутъ Петровъ присѣлъ къ графину, и, не говоря уже ни слова, сталъ имъ заниматься.

Послѣ этого онъ сильно ослабѣлъ, и потому Николай Ивановичъ заблагоразсудилъ отъ него удалиться.

Николай Ивановичъ еще было заходилъ нѣсколько разъ къ Петрову, съ намѣреніемъ побесѣдовать съ нимъ «о высокихъ предметахъ», какъ онъ шуточно выражался, но тотъ всегда уже отъ этого уклонялся.

Между тѣмъ какъ Николай Ивановичъ разсуждалъ съ Петровымъ о мировомъ значеніи поэтовъ, и собирался рѣшать вопросъ жизни, Мардохей Петровичъ, какъ вѣрный слуга отечества, ревностно занимался своимъ служебнымъ дѣломъ, и занимался такъ энергично, такъ усердно, что даже дроздикъ-монашекъ, несмотря на значительно улучшенное имъ пѣніе своихъ тропарей, оставался иногда у него на второмъ планѣ. Это знало уже, что Мардохей Петровичъ занимался тогда не бездѣлушками, а дѣломъ. Особенная служебная заботливость Мардохея Петровича въ эти дни относилась къ тому важному предмету, какимъ образомъ поискуснѣ составить программу испытанія Боброва и Рязина? Какъ сдѣлать о нихъ представленіе? Рогулькинъ въ этомъ новомъ для него дѣлѣ чувствовалъ себя крайне непрактичнымъ, и внутренно сознавался, что онъ самъ непосредственно не можетъ аккуратно исполнить это *событіе* (Рогулькинъ всякое новое дѣло называлъ событіемъ). Въ особенности же смущали его 60 наукъ, почему то названныхъ баллами, для уясненія которыхъ онъ израсходовалъ весь запасъ своихъ знаній, и всетаки не могъ добиться никакого толка.

«Гдѣ здѣсь шестьдесятъ то землемѣровъ наберешь?» разсуждалъ, между прочимъ, Мардохей Петровичъ, остановившись наконецъ на той мысли, что число научныхъ балловъ означаетъ число шаровъ, установленныхъ для выбора лицъ, и что это число непременно должно соответствовать числу лицъ, участвующихъ въ выборѣ, т. е. числу землемѣровъ *). Рогулькинъ съ особенною заботливостію провѣрялъ нѣсколько разъ число уѣздовъ, находящихся въ губерніи, прибавлялъ къ этому числу двухъ запасныхъ землемѣровъ, но всетаки насчитывалъ только 14 мѣсть.

*) Достоверный фактъ.

«Ума не приложу! просто ума не приложу!» заганчивалъ Мардохей Петровичъ свои разсужденія.

Само собою разумѣется, что въ такихъ трудныхъ обстоятельствахъ, а подобныя обстоятельства встрѣчали его нерѣдко, Мардохей Петровичъ не могъ уже обойтись безъ Давыдовскаго, который обладалъ всѣми свѣдѣніями канцелярскаго порядка и поэтому у многихъ назывался докою.

Давыдовскій дѣйствительно понималъ значеніе научныхъ балловъ, по крайней мѣрѣ въ томъ отношеніи, что гдѣ ихъ выставлено будетъ больше, то аттестуемый человѣкъ значить умнѣе и способнѣе. Въ этомъ смыслѣ онъ передалъ значеніе балловъ и Рогулькину.

— Уже какъ бы намъ получше то сдѣлать, совѣтовался Мардохей Петровичъ, что бы въ отвѣтственность то не попасть.

— Не попадемъ, произнесъ съ надменностію Давыдовскій, гордо прохаживаясь по комнатѣ и куря махорку. Какъ я вамъ говорю, такъ и сдѣлаемъ.

— Я всѣмъ добра желаю.... продолжалъ Мардохей Петровичъ.

— Что этому то мошеннику,—Боброву то вашему, добра то желать? перебилъ Давыдовскій; вѣдь онъ мошенникъ, необразованный вахлакъ!

— Какъ еще мошенникъ! если бы вы знали, присовокупилъ въ свою очередь Мардохей Петровичъ:—о начальствѣ то, мошенникъ, какъ отзывается, только уши вынуть. Али опять про васъ что говорить, такъ уже только я слушаю, да молчу.

— Въ шею бы его отсюда, выразился Давыдовскій.

— А вы думаете какъ? перебилъ Мардохей Петровичъ:—я въ послѣднее время такъ таки его и проводилъ не по чести. Ты, молю, государь мой, не смѣй при мнѣ такъ отзываться про этого человѣка, я, молю, его знаю побольше тебя,—знаю, молю, какія онъ услуги то отечеству дѣлалъ и дѣлаетъ, не тебѣ, молю, объ этомъ судить, государь мой, твое то бы, молю, дѣло поблагодарить этого человѣка за его то труды; о себѣ то уже, молю, я не хлопочу;—такъ вѣдь куда! Что мнѣ, говорить этотъ Давыдовскій, знаемъ, говорить, и мы его, говорить, и изъ службы то вонъ выгнали, да такъ таки и плюнуль, вотъ на это самое мѣсто и плюнуль, ей-ну Богу, право!... и Мардохей Петровичъ для большей наглядности очертилъ машинально на полу маленькій кружечекъ—«хтифу! говорить, мнѣ на вашего то Давыдовскаго»—прибавилъ Мардохей Петровичъ, и, для поясненія дѣла, дѣйствительно плюнуль въ очерченный кружокъ, чѣмъ, конечно, и доказалъ достовѣрность факта.

Давыдовскій надменно улыбнулся. Онъ зналъ навѣрняка, что въ личномъ его порицаніи не менѣе того участвовалъ и самъ Рогулькинъ, но всетаки къ послѣднему влекла его какая то неудержимая сила, потому что у Рогулькина находилъ онъ пищу для своихъ занятій, которыя онъ готовъ былъ исполнять

безданно безпощадно, такъ сказать по призванію. Давыдовскаго влекло не къ тому, что упрочивало нравственную жизнь общества, а къ тому, что могло ее разстроить. Онъ былъ самый энергичный, и, можно сказать, безвозмездный производитель и защитникъ всякаго зла, лишь бы только подходило оно подъ канцелярскую формалистнку. Оклеветать и обвинить правдо, оправдать виновнаго, даже общественнаго злодѣя, было любимымъ дѣломъ Давыдовскаго.

— Я удивляюсь, зачѣмъ вы только къ нему заходите? продолжалъ Мардохей Петровичъ:—ну, пристойно ли вамъ съ такимъ человѣкомъ знакомство сводить?

— Я думаю, знаете, зачѣмъ я къ нему ходилъ? рыкнулъ Давыдовскій, не зная что ли?

— Да что уже съ етакимъ человѣкомъ и дѣло имѣть,—что съ него возьмешь?.. грубый человѣкъ, необразованный... И Мардохей Петровичъ съ отчаяніемъ махнулъ рукою.

— Да онъ еще отъ насъ не ушелъ, мы еще ему воскомъ щетину то! произнесъ Давыдовскій, выражаясь обычными приказническими фразами, облупимъ его, какъ липочку. Будетъ насъ помнить! прибавилъ онъ, усаживаясь за письменный столъ.

Мардохей Петровичъ видимо просвѣтлѣлъ.

— Я уже только объ васъ то забочусь, произнесъ онъ съ участіемъ:—вашихъ то трудовъ мнѣ жалко, о себѣ то уже я не хлопочу.

Между тѣмъ Давыдовскій принялся составлять программы и рапорты о представленіяхъ Боброва и Ризина.

— Вотъ уже про Ризина грѣхъ сказать худое слово, замѣтилъ между прочимъ Мардохей Петровичъ,—мягкій человѣкъ, понимающій. Съ этимъ человѣкомъ можно вести пріятную хлѣбъ-соль.

Часа черезъ два составлены были обѣ программы, только Давыдовскій написалъ ихъ въ двухъ экземплярахъ, изъ которыхъ въ одномъ выставлены были полные баллы, а въ другомъ далеко недостаточные.

— Эта напоказъ, какъ я вамъ говорилъ, произнесъ Давыдовскій, передавая Рогоулькину программы, и указывая на ту, въ которой находились полные баллы, а эта пойдетъ, прибавилъ онъ, передавая другую программу.

Рогоулькинъ на этотъ разъ отнесся къ Давыдовскому съ особенною благодарностію.

— Не лъстя, вамъ скажу, Андрей Ивановичъ, выразился онъ въ заключеніе всего,—какъ бы не злые то люди, такъ ваше то бы мѣстечко не здѣсь, а возлѣ министра; только вотъ злые то люди, ради зависти, вамъ напаягостили. Честныхъ то, да дѣловыхъ людей нищѣ видно немного любить!

— Вспомнать, подлецы, и меня, да не вовемя! проговорилъ надменно Давыдовскій.

— Еще какъ вспомнать то! подхватилъ Мардохей Петровичъ, — да уже кажется и вспомнили, присовокупилъ онъ нѣсколько таинственнымъ тономъ.

Давыдовскій въ это время всталъ уже изъ за стола, и, засунувъ обѣ руки въ карманы нанковыхъ шальваръ, самую гордою поступью прохаживался по комнатамъ. Приэтомъ онъ не поворачивалъ уже своей головы ни направо, ни лѣво, но, преисполненный чувствомъ личнаго приказническаго достоинства, глядѣлъ только впередъ, по направленію своего носа. Въ эти минуты онъ близко подходитъ къ идеалу приказническаго величія.

— Теперь, послѣ праведныхъ трудовъ, думаю, не худо будетъ и водочки выпить, да покушать хлѣба-соли, предложилъ Мардохей Петровичъ, какъ то суетливо.

— Само собою! произнесъ Давыдовскій, который въ подобныхъ случаяхъ обращался съ Рогульенинымъ довольно повелительно.

Послѣ нѣсколькихъ рюмокъ водки, Давыдовскій сдѣлался представительнѣе и энергичнѣе, такъ что Мардохей Петровича, наблюдавшаго за Давыдовскимъ, немножко охватила робость, тѣмъ болѣе, что тотъ подъ конецъ началъ уже имъ безъ церемоній распоряжаться.

— Какъ я сказалъ, такъ что бы и было! разсуждалъ крикнуво Давыдовскій; я уже напрасно не скажу... А Ваньку Философова, да Ваську Петрова надо шаркнуть! слышишь?.. А съ Ризина, я сказалъ, меньше пятидесяти не возьму. Ты, подлець, 600 съ него слупилъ! а со мною 25-ю не хочешь отдѣлаться? шаркни! обо всемъ донесу! пригрозилъ Давыдовскій, входя въ азартъ. Ты, подлець, у меня всегда въ рукахъ! Мы знаемъ, какъ ты фальшивые то планы выдаешь! думаешь, не знаемъ?.. Ты 25-ю рублями отъ меня не отдѣлаешься! Сказалъ пятьдесятъ—пятьдесятъ и давай.

— Полноте вы мнѣ, шутникъ этакой, шутить то! произнесъ Рогульенинъ съ самою незлобивою улыбкою, радушно обнимал Давыдовскаго; поговоаримте-ко, обойдя всѣ шутки... Вотъ уже, что я правду ту вы сказали такъ уже правду, этого Философова, да Петрова, надо проучить; поистинѣ вредные люди! Хотя бы этотъ Философовъ: еще сору съ ногъ не успѣлъ стряхнуть, а уже начинается судить, да порочить честныхъ людей. Послушали бы вы, что онъ про васъ то говоритъ, васъ то какъ порочить, мошенникъ! «Я, говоритъ, на него донесу.» Онъ, говоритъ, дѣло изъ суда укралъ, да сжегъ; документы, говоритъ, фальшивые составляетъ..

— Это все ты, подлець, ему на меня сказать?! перебилъ Давыдовскій раскраснѣвшись до нельзя. Отъ документовъ то, братъ, и ты не уйдешь: вѣдь мы оба документы то съ тобою составляли!

— Вы меня не поняли, Андрей Ивановичъ, перебилъ Рогулькинъ, немного сконфузясь; я вѣдь не про то говорю, а доносчиковъ то бы, моль, этихъ нужно подь ноготокъ поджать. что бы они доносами то не занимались, да честныхъ то людей не порочили... А вы, сударь, Андрей Ивановичъ, дешевенько свои то труды цѣните, присовокупили Рогулькинъ полушутливымъ тономъ, желая дать другой мотивъ разговорю.—Ваши то труды помоему и въ сотенку не грѣхъ оцѣнить. Добрыхъ, да честныхъ людей я цѣнить, сударь, умѣю. И Мардохей Петровичъ поспѣшилъ снабдить Давыдовскаго десятью рублями.

— Точно на грѣхъ, сегодня денегъ то у меня не случилось, оговорился онъ съ глубокимъ сожалѣніемъ, вручая Давыдовскому 10 руб.—Хотя убей, копѣйки теперь нѣтъ во всемъ домѣ. На недѣль, Богъ дастъ, надѣюсь получить, такъ около среды пожалуйте. Съ честію, сударь, заплачу.

— Не обманешь? крикнулъ Давыдовскій.

— А вотъ отсохли бы эти пальцы, если облыжно говорю, поглялся Мардохей Петровичъ, показавъ Давыдовскому для большей достовѣрности на мизинецъ и безъмянный палецъ лѣвой руки, сообразивъ, однако же, что если, на худой конецъ, эти пальцы и отсохнутъ, то особенной еще важности они не составляютъ.

— Ну, за это поцѣлуй! произнесъ Давыдовскій, обнимая Рогулькина.

Друзья поцѣловались.

— Люблю за то, что людей понимаешь, произнесъ Давыдовскій, хлопнувъ Рогулькина по спинѣ.

— А Ваньку Философова, да Ваську Петрова подь судъ упечемъ, присовокупили Давыдовскій, въ видахъ особенной пріязни.

— Вашимъ то бы языкомъ да медь пить, отозвался въ свою очередь Рогулькинъ, уже подлинно, что умную рѣчь пріятно и слушать, присовокупили онъ съ чувствомъ искренняго дружелюбія.

Мардохей Петровичъ съ христіанскимъ терпѣніемъ переносилъ отъ Давыдовскаго всякое личное порицаніе, и никогда уже на это не оскорблялся. Правда, онъ частенько дѣлалъ ему напоминаніе о его личныхъ поступкахъ, но изъ вѣжливости никогда не высказывалъ ихъ въ видѣ упрека, а всегда уже ссылаясь притомъ на какое нибудь постороннее лице: то, напр., скажетъ на Философова, то на Петрова, а въ послѣднее время началъ ссылаться и на Боброва, хотя, въ сущности, ни тотъ, ни другой, вовсе объ этомъ и не говорили.

По уходѣ Давыдовскаго, Мардохей Петровичъ подписалъ всѣ программы и отправилъ ихъ для подписи къ прочимъ экзаменаторамъ, которые въ свою очередь подписали все, безъ всякаго вознанія.

На другой день утромъ, Мардохей Петровичъ пригласилъ

къ себѣ Боброва для того, что бы сообщить ему объ успѣхахъ настоящаго *событія*.

— Честъ имѣю поздравить, Николай Ивановичъ, съ окончаніемъ вашего событія! произнесъ Мардохей Петровичъ, встрѣчая Боброва еще въ дверяхъ, и подавая ему руку.

Не понимая въ чемъ дѣло, Николай Ивановичъ посмотрѣлъ на него въ недоумѣніи. «Что еще тутъ за событіе такое?» подумалъ онъ насмѣшливо.

— Представленіе объ васъ уже приготовлено, слава Богу! вотъ посмотрите, посѣщилъ сообщить Мардохей Петровичъ... Если чѣмъ недовольны, такъ сами уже поправьте... И Мардохей Петровичъ подалъ Боброву программу съ полными баллами, и рапортъ о представленіи его въ землемѣры.

— Чему тутъ недовольнымъ то быть, выразился Бобровъ съ радостною улыбкою, увидавъ въ программѣ своего испытанія полное число балловъ. Такой аттестаціи я даже и не стою. Я самъ изъ этихъ балловъ немножко убавилъ бы.

— Уже какъ вы не стоите, Николай Ивановичъ, такъ кто же послѣ этого стоитъ? возразилъ Мардохей Петровичъ. — Что тамъ про меня ни говорятъ, худъ ли я, хорошъ ли, а уже добрыхъ, да умныхъ людей оцѣнить умѣю. Про Петрова, вотъ, или про Философова уже худо не скажу, честные люди! можно этихъ людей держаться. А уже какъ бы вотъ васъ то еще Богъ привелъ, такъ уже я былъ бы въ совершенномъ покоѣ. Только это сплю, и вижу.

Николай Ивановичъ отъ радости совершенно растерялся, такъ что принялся благодарить Рогульина самымъ неуклюжимъ манеромъ.

— Полноте вы меня уже благодарить то, перебилъ Рогульинъ съ видимымъ негодованіемъ. Къ слову вотъ пришлось, прибавилъ онъ, совершенно изиѣнивъ рѣчь; напомнили вы мнѣ. Здѣсь какъ то надняхъ опять заходилъ ко мнѣ этотъ мошенникъ Давыдовскій. Уже я его къ себѣ то и не пушаю, да не знаю какъ и прошелъ, мошенникъ. Васъ, говоритъ, Бобровъ только благодарностію то одною и отподчуетъ, а изъ благодарности то, говоритъ шубы не сошьешь. Поди, молъ, ты ко Христу! Этотъ, молъ, человекъ понимаетъ свое то дѣло, не меньше другихъ, отъ другихъ уже, молъ, не отстанетъ, проговорился нечаянно Мардохей Петровичъ: шучу, знаете, съ нимъ, прибавилъ онъ для аккуратности, покосившись между тѣмъ на Боброва.

Бобровъ немножко поморщился.

— Я дѣйствительно не отсталъ бы отъ другихъ, если бы только имѣлъ, проговорилъ онъ не съ большою впрочемъ охотою, но теперъ у меня нѣтъ ничего, дѣлайте со мною что угодно.

— Я вѣдь только шучу, подхватилъ Мардохей Петровичъ, вѣдь надобно же было дураку то этому что нибудь отвѣтить.

Только вотъ съ губернскимъ то правленіемъ уже не знаю, какъ сдѣлаться, замѣтилъ онъ, измѣняя разговоръ на другую тему. Уже сотенку имъ общалъ; изъ своихъ уже заплачу, для хорошаго человѣка: намъ хорошіе люди надобны.

— Неужели такъ много? спросилъ съ изумленіемъ Николай Ивановичъ.

— А вы думаете даромъ они тамъ сдѣлаютъ? Это уже не такой народъ, Николай Ивановичъ, даромъ то они не сдѣлаютъ вотъ этого... И Рогулькинъ, для наглядности, переложилъ съ мѣста на мѣсто чуть замѣтную порошинку.

Бобровъ въ недоумѣніи пожалъ только плечами.

— Я уже не знаю, что мнѣ теперь и придумать, Мардохей Петровичъ, проговорилъ онъ съ грустію.

— Чего тутъ думать то, только молитесь Богу, уже я за васъ все обдумаю. Уже коли я сказала, что будете землемѣромъ, такъ и сдѣлаю. Тридцать пять лѣтъ служу, Николай Ивановичъ, Богу и великому государю, да еще никого не обманывалъ, Богъ хранилъ. Вы, вотъ, благословясь, отнесите отъ меня представленіе то въ губернское правленіе сами, да получите тамъ росписочку, такъ дѣло то будетъ повѣрнѣе. Какъ уже тамъ ни потянуть, а уже всетаки представлять, отъ меня было бы представлено. А уже сотенку то я имъ далъ изъ своихъ трудовыхъ денегъ. А мы, Богъ дастъ, подобру, да поздорову, сочтемся съ вами у пона на бревнахъ, заключилъ Мардохей Петровичъ самымъ радушнымъ тономъ, шутиливо похлопавъ Николая Ивановича по плечу.

Бобровъ снова повеселѣлъ. Хотя онъ и не вполне былъ знакомъ съ канцелярскою формалистикою, но всетаки понималъ, что сдѣланное представленіе измѣнить уже невозможно.

Для большей достовѣрности Мардохей Петровичъ предложилъ Боброву самому запечатать представленіе въ конвертъ, и сейчасъ же отправилъ его съ нимъ въ губернское правленіе.

— Куй де желѣзо, покуда горячо, произнесъ Мардохей Петровичъ вслѣдъ Боброву.

Сдавъ, какъ слѣдуетъ, конвертъ въ регистратуру, Бобровъ вздохнулъ свободнѣе, и поблагодарилъ мысленно Рогулькина, потому что въ настоящихъ его дѣйствіяхъ онъ видѣлъ уже фактическое доказательство его искренности. Но, въ глубинѣ души, всетаки залегло у него какое то неопредѣленное раздумье.

«Какъ то все невѣрится», разсуждалъ онъ самъ съ собою.

Выходя изъ губернскаго правленія, Бобровъ встрѣтился случайно съ Философовымъ и Петровымъ, которые шли въ чертежную. Первымъ дѣломъ онъ сообщилъ имъ въ короткихъ словахъ о представленіи его въ землемѣры. Петровъ отнесся къ этому извѣстію совершенно безучастно, но Философовъ отъ

души поздравилъ Боброва съ успѣхомъ, присовокуивъ къ этому, что онъ, съ своей стороны, никогда въ этомъ и не сомнѣвался.

— Рогоулькинъ, братецъ, только глуповатъ немножко, замѣтилъ Философовъ, а по душѣ онъ человекъ добрый, своего слова не измѣнитъ.

— Уже глуповатъ то и ненемножко, замѣтилъ съ усмѣшкою Бобровъ. Если онъ говорить и дѣйствуетъ такъ, по одной только сердечной простотѣ, такъ значить онъ совершенный уже дуракъ, а въ противномъ случаѣ значить подлець.

— И то и другое-съ, подхватилъ Петровъ, не думавши.

— Это вѣдь можно сказать о каждомъ человекѣ, вступился Философовъ, видимо недовольный такимъ скороспѣлымъ рѣшеніемъ; на это надобно имѣть доказательства. Что Рогоулькинъ добро дѣлаетъ, такъ изъ этого еще не слѣдуетъ заключать, что онъ подлець.

— Да уже черезчуръ о добрѣ то хлопочеть, кажется, замѣтилъ съ усмѣшкою Николай Ивановичъ; основанія то къ его добротѣ никакого не подберешь.

— Полно, братецъ, ты съ основаніями своими фантазировать, упрекнулъ его Философовъ; съ этими основаніями ты не найдешь по себѣ ни одного человека. По себѣ, братъ, думать объ всѣхъ нельзя, прибавилъ Философовъ, разгорячившись; Рогоулькинъ дворянинъ, слѣдовательно безчестнаго дѣла съ умисломъ не сдѣлаетъ.

Николай Ивановичъ чрезвычайно сконфузился, сознаваясь внутренно, что Философовъ говорить правду.

— Я вѣдь это такъ только сказалъ, началъ онъ смиренно оправдываться. До сихъ поръ я, съ своей стороны, Мардохеемъ Петровичемъ весьма доволенъ, и благодарю его въ глаза и за глаза.

— Благодарить то еще не за что-съ, заговорилъ пріэтомъ Петровъ.

— Какъ же не за что? возразилъ Николай Ивановичъ; посмотрѣли бы вы, какое онъ обо мнѣ представленіе сдѣлалъ.

— Не на что тутъ смотрѣть то, по той причинѣ, что обманеть-съ, произнесъ Петровъ самымъ рѣшительнымъ тономъ.

— Это еще вопросъ, замѣтилъ Философовъ.

— Какъ же тутъ, кажется, обмануть то? проговорилъ въ раздумьи Николай Ивановичъ.

— Не знаю-съ, отвѣтилъ Петровъ отрывисто.

— Вѣдь я самъ и представленіе въ губернское правленіе носилъ, у меня есть даже и нумерокъ, пояснилъ Николай Ивановичъ.

Петровъ слегка улыбнулся, но не сдѣлалъ на это никакого возраженія.

— Всякаго брата, здѣсь не переслушаешь, а дѣлай, какъ самъ знаешь, сказалъ Философовъ въ заключеніе, прощаясь съ Бобровымъ, и пожимая у него руку. На службу то приса-сайся, тагъ дѣло то будетъ лучше, прибавилъ онъ полупутливо.

II. Зарубинъ.

